

Для советского читателя

В эти дни на всех советских предприятиях широко развернулось предоктябрьское социалистическое соревнование. Напряженно, с большим подъемом трудятся и бумажники. До сердца каждого из них должились Призывы ЦК КПСС к 37-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции: «Рабочие и работницы, инженеры и техники лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности! Увеличьте лесозаготовки и выработку бумаги! Повышайте производительность труда, полностью используйте механизмы!»

Рабочники бумажных комбинатов и фабрик проявили много творческой выдумки, новаторской инициативы! Варщики стремятся дать как можно больше целлюлозы, рольщики неустанно обеспечивают бесперебойную работу своих агрегатов, умелые и ловкие руки сечочников заставляют все с большей продуктивностью работать мощные бумагоделательные машины.

В условиях предоктябрьского трудового подъема горячую поддержку встретили письмо группы советских писателей работникам бумажной промышленности. В ответ на это письмо краснокамские бумажники вызвали все коллективы предприятий бумажной промышленности на соревнование по дополнительному выпуску типографской бумаги. Это право ждала соревновательная краснокамская бумажная заводская отличной работой. За первые три квартала этого года они дали сверх плана свыше тысячи тонн типографской бумаги. Ныне краснокамцы обязались еще более повысить темпы и качество своей работы. К этому же они призвали своих товарищей по профессии.

Прежде всего бумажникам нужно оплатить свой долг и дать стране типографскую бумагу, которую они еще недодали. За девять месяцев этого года бумажники задолжали стране несколько тысяч тонн типографской бумаги. Особенно отстают Вишерский, Неманский, Чеховский комбинаты, Нижнеднепровская и Серпуховская фабрики. Велик этот долг! Но его можно погасить, но не только погасить, но и дать бумагу сверх плана, если не будут снижены темпы развернувшегося соревнования, если будет обеспечен подъем производительности труда. Успехи уже есть. Они определены умелым использованием внутренних резервов, которые до сих пор продавали втуне из-за нерасторопности и даже лености некоторых руководителей предприятий.

До конца года осталось два месяца. Много это или мало? Все зависит от того, как использовать время. Если работать в хорошем темпе, с большим накалом, вести счет на минуты, за эти два месяца можно многое сделать. И, соревнуясь друг с другом, передовые люди бумажных предприятий настроены поглядывать на часовую стрелку: так ли, в нужном ли темпе идет дело?

Редакция связалась вчера по телефону с работниками нескольких предприятий бумажной промышленности. Вести в основном были отменные!

Из Калининграда: «Сегодня в восемь утра выполнили октябрьский план по белизне целлюлозы и больше половины ее дали первым сортом, вместо 30 процентов по плану. Впереди идет комсомольская смена инженера Кряжевой».

Из Архангельска: «Октябрьский план выполнен сегодня в семь часов вечера. Дали сверх плана 37 тонн типографской бумаги. Понижили плотность бумаги с 80 до 70 граммов и выпустили первым сортом 91 процент всей продукции. Впереди идут бригады сечочниц Мальцевой, Левченко, Мануйловой».

Из Советска: «В октябре дали сверх плана 90 тонн типографской бумаги, свыше 90 процентов — первым сортом. Впе-

реди идет комсомольская бригада сечочника Бодрова».

Но в этих же сообщениях звучат и нотки тревоги: А так ли пойдут дела завтра? Подтянуты ли все резервы для развертывания наступления? У многих, оказывается, есть серьезные основания для беспокойства.

Архангельские бумажники сигнализируют: им упорно недодают отбелочный материал, и это срывает выполнение обязательств по выпуску целлюлозы. В октябре они вынуждены были дать 15 процентов целлюлозы без отбелки, и, следовательно, из нее бумагу для книг не сделаешь. Тщетно архангельцы призывают на помощь работников Главцеллюлозы и Главбумсбыта, — комбинат и поныне испытывает нужду в отбелочном материале. Хочется спросить руководителей работников упомянутых главков: понимают ли они, как неприятно выглядит их непервоначальность на фоне напряженной борьбы всех бумажников за выполнение своих обязательств? Непростительны медлительность, равнодушие этих работников.

Работники химической промышленности обязаны выполнить свой долг перед бумажниками, а значит, и перед миллионами советских читателей.

Строже, видимо, нужно спросить и с работников лесной промышленности — дайте подлинность и в срок древесины для выделки бумаги! Калининградцы и знаменцы, например, сообщают, что у них запасы древесины хватит всего лишь на 4—5 дней. Могут ли в таких условиях люди работать с твердой уверенностью, что завтра у них будет все благополучно? Без срочной и энергичной помощи руководителей бумажной и деревообрабатывающей промышленности, без решительного требования с их стороны к лесозаготовителям не обойтись. Вместе с тем много зависит и от настойчивости, требовательности самих калининградцев и знаменцев. Поставляет ли древесину «Архангельсклесобит», и надо преодолеть его инертность.

Можно поучиться настойчивости у краснокамцев — инициаторов соревнования по дополнительному выпуску бумаги для книг. В начале этого месяца лесозаготовители и сплавщики недодали им 160 тысяч кубометров древесины. Перед комбинатом возникла реальная угроза: поставщики сырья могут сорвать выполнение плана. Но, как это ни покажется странным, краснокамцы тогда же взяли на себя обязательство дать в четвертом квартале сверх плана 600 тонн типографской бумаги. Не было ли это обязательство опростраченным? Нет, не было. Они не ждали ни моря погоды, а сами создавали для себя «хорошую погоду». Увидев все возможности своих поставщиков (Молодого, Камедослава), они пришли к выводу, что древесина есть, но ее надо не ждать, а добывать, изо дня в день преодолевая непервоначальность поставщиков. Поэтому краснокамцы не ограничивались послышкой телеграмм в центр, а при помощи областных партийных и советских организаций здесь же, на месте, в области, каждое утро контролировали выполнение плана поставки леса. И вот результат — в октябре комбинат уже получил 100 тысяч кубометров и так же неуклонно «добывает» и оставшиеся 60 тысяч.

Есть у кого поучиться, есть у кого взять пример коллективам предприятий, вступившим в соревнование! Они могут и должны при помощи общественности добиться от поставщиков более активного участия в борьбе за бумагу для книг.

Письмо советских писателей, наше живое отклики у работников бумажной промышленности, обращено ведь не только к тем, кто непосредственно своими руками делает бумагу для книг, а к их ближайшим соседям в общем трудовом строю: десурбам и сплавщикам, химикам и энергетикам. Таков круг людей, обязанных выполнить благородную и большую задачу: дать стране в избытке хорошую бумагу для книг!

50-летие В. В. Ермилова

Исполнилось 50 лет со дня рождения и 30 лет литературной деятельности Владимира Владимировича Ермилова. Правление Союза советских писателей СССР обратилось к нему с приветствием, в котором отмечаются его заслуги в области советской критики и литературоведения.

— Ваши талантливые книги и статьи во многом способствовали успехам нашей литературы, — говорится в приветствии. — Ценным вкладом в литературоведение явились ваши капитальные исследовательские работы о творчестве Чехова и Гоголя. Раскрывая изливное богатство русских классиков, интересно и глубоко анализируя их художествен-

ное мастерство, вы своими трудами помогли освоению нашими писателями замечательных традиций русской классической литературы. Горючо заинтересованный в судьбе советской литературы, вы пристально следили за ее развитием, активно откликаясь на наиболее замечательные произведения своими яркими статьями. Ваша плодотворная деятельность исследователя, журналиста, редактора, воспитателя молодых кадров имеет большое значение в нашей литературной жизни.

Приветствие заканчивается пожеланием В. В. Ермилову многих лет жизни и больших творческих успехов.

Молодые инженеры

Вчерашний студент стал инженером. Какой это важный момент в судьбе любого советского молодого человека.

«Теперь за работу, самое главное только начинается!» — с такой мыслью вступает в жизнь молодой специалист. Как важно, чтобы с первых же шагов самостоятельной работы он почувствовал отеческое внимание к себе, направляющую руку старшего!

Мы далеки от мысли представлять условия работы для начинающего инженера какими-то особенными, тепличными. Нет, ему не нужны няньки. Но бережное, хозяйское отношение, поддержка со стороны более знающих и опытных инженеров обязательны.

Мы начали этот разговор, имея некоторые факты серьезного неблагополучия в использовании молодых специалистов на шахтах Донецкого угольного бассейна.

Здесь любят говорить, что молодежь сама бывает иной раз виновата — не проявляет инициативы. Но о какой инициативе может идти речь, если молодого инженера или техника, скажем, используют не по специальности. А явление это довольно частое. Возмутительная история, например, произошла с Юрием Трофимовым. Он окончил Львовский горный техникум. Трест «Максесуголь» направил его на шахту № 1—2 «Собия». Молодому специалисту по разработке угольных месторождений предложили сначала работать помощником начальника участка отдела капитальных работ, потом перевели диспетчером на транспорт, но вскоре велели вернуться в отдел капитальных работ. Еще недели через три Трофимов был назначен горным диспетчером, а в один прекрасный день ему заявили: «У вас слабая оперативность. Ступайте горным мастером на шестой участок».

Прошло около года с того времени, как Трофимов покинул стены учебного заведения. Он не приобрел на шахте никакого опыта. Может быть, он плохо работал, и этим были вызваны частые перемены? Никто ничего не может сказать о работе молодого техника, потому что он не успевал освоить ни одного из тех дел, какие ему поручали. В то же время ему не прощали ни малейшего промаха.

Есть еще на шахте люди, которые смотрят на молодого инженера или техника, как на пришельца, которым можно помыкать. Эти люди привыкли «брать добычу горлом», штурмовать, устранять новичкам «проборы» и никак не хотят понижать порочность подобных методов руководства. Безусловно, у горняка-практика Луки Андреевича Конейко — большой опыт. Многому можно у него поучиться, а вот глубже познать технику ему помог бы горный инженер Михаил Лазарев, в прошлом году окончивший Днепротрестовский горный институт. Лазарев назначил на участок Конейко помощником. Старый мастер почему-то неприязненно отнесся к инженеру. В вину своему помощнику он ставил и... неужели ругаться.

Как часто, попав в такую обстановку

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 130 (3314)

Суббота, 30 октября 1954 г.

Цена 40 коп.

Навстречу Второму всесоюзному съезду писателей

Чего мы ждем от съезда

В. Виль-Белоцерковский
Писатель и его герой

За время, истекшее после Первого съезда писателей, накопилось немало вопросов нашего «литературного хозяйства», нуждающихся в серьезном, деловом обсуждении. Перебрав мысленно многие важные темы, я решил остановиться на одной, но, пожалуй, для меня, как для старого писателя, самой волнующей.

Тема эта — «проблема положительного героя» в нашей писательской среде. Звание писателя у нас почетно и уважаемо народом. И чем больше советский писатель приблизится к тому идеалу писателя-гражданина, какому хочется видеть в нем народ, тем проче и естественнее он будет создавать в своих книгах художественные образы новых людей, активных деятелей нашей страны.

Образы этих героев неповторимы и разнообразны, как неповторима и богата сама наша жизнь. На страницах наших романов, повестей, очерков, пьес, стихов перед советским читателем оживают его друзья и единомышленники — люди разных биографий, разных профессий, разных темпераментов, вкусов, привычек. Они часто спорят между собой, иногда заблуждаются, совершают ошибки. Но всех их объединяют общие свойства: это люди, преданные своему народу и своей партии, труженики, живущие не одними личными, но и большими, общественными интересами; это люди, для которых не существует национальной и расовой ограниченности, они с презрением и негодованием отвергают всякие проявления национализма и шовинизма; для них принципы советской морали и законы социалистического общества не могут быть пустым, ничем не значащим звуком.

Чапаяв, Павел Корчагин, Давыдов, Ленинский, герои-молодогвардейцы потому и любимы советским читателем, что они с наибольшей полнотой воплощают лучшие черты советского человека. Среди имени многих советских писателей — Горького, Маяковского, Фурманова, Н. Островского, Макаренки, Гайдара — являются для нас синонимом мужественного и бескорыстного служения своему народу, высокой партийной совести и моральной чистоты.

В нашей стране писатель — «инженер человеческих душ», воспитатель молодых поколений, учитель жизни. Но плох тот учитель, который собственным поведением подает дурной пример. Как ученики на примере своего учителя, так и читатели на примере самого писателя пропевают истинность тех жизненных уроков, какие им преподает.

Это отнюдь не означает, что советский писатель обязательно должен лепить образ своего героя по собственному «образу и подобию». Но мировоззрение писателя и его положительного героя не может расходиться.

Я не понимаю того писателя, который, «добро и зло» внимательно разобравшись, без классовой ненависти взирает на проявление и пережитки враждебной буржуазной идеологии. Классовая ненависть к отрицательным, чуждым явлениям и наш советский патриотизм, вера в любовь к советскому человеку — это две стороны одной и той же медали. И если перед писателем стоит с одной стороны проблема создания образа положительного героя, то с другой — проблема обличения отрицательного.

Проблема положительного героя в литературе значительно проще, чем это может показаться на первый взгляд. Когда я писал председателя Укома и «братиску» в пьесе «Штор», я не ломал себе голову над этой проблемой и не «искал» своих героев где-то в тайных родинках литературной фантазии. Мои герои сами пришли в пьесу из жизни. Они и сейчас живут и работают.

Писателю нужно по-настоящему знать своих героев, чтобы найти и запечатлеть их живые черты.

Георгий МАРКОВ

Познавать народный опыт!

Несколько месяцев я провел в поездках по Сибири. Где бы я ни был, всюду наблюдал огромный интерес трудящихся к работе советских писателей. О нашем Втором съезде оживленно говорили рыбаки у ночного костра, о проблемах советской литературы горячо спорили в аудиториях и обихватили студенты, новинки советской литературы по-хозяйски требовательно обсуждали на полеводческом стане льноводы...

Когда видишь это живое, заинтересованное участие народа в развитии литературы, тебя невольно охватывает большое и светлое чувство радости. Наша литература стала истинно народной, она вошла в быт, стала существенной и неотъемлемой частью всей нашей жизни.

В поездках по районам Сибири довелось мне встречаться с людьми самых разнообразных профессий. Можно много интересного рассказать о трудовой доблести простых советских людей, об их незаметном и повседневном героизме, об их сегодняшних мыслях и чувствах. Но это особая тема. Сейчас же хочется отметить одну важную черту в облике советского человека — его творческое отношение к труду.

Никогда, ни в какое другое время народный опыт не был столь богат, многообразен, столь плодотворен, как теперь. Никогда, ни в какое другое время духовная жизнь простого человека не была такой сложной и содержательной, как в наши дни.

Повышение на арене общественной и значимости жизни колхозного ученого Терентия Мальцева — факт весьма примечательный, поучительный и, конечно, не случайный. Среди работников промышленности и сельского хозяйства трудятся миллионы людей, для которых характерно это же страстное стремление к глубокому познанию своего дела, к новым приемам и методам работы, зачастую открывающим широкие горизонты целым областям экономики, культуры, науки.

Советские писатели должны быть полными знатоками народного опыта, — без этого невозможно воспроизвести подлинный, отвечающий правде жизни, образ человека социалистического общества.

Думается, что Второй всесоюзный съезд превратится в съезд исследователей народного опыта. С высокой трибуны съезда писатели будут говорить по всем важнейшим вопросам советской жизни.

Трудовые деяния советского человека, его основные качества, как гражданина социалистического государства, этические и эстетические нормы и требования нашей общины, проблемы дальнейшего развития производительных сил Родины — все это должно прозвучать на съезде сильно и ярко и не в отвлеченно-социалистических схемах, а в живом и страстном воспроизведении самой жизни.

Такой разговор не только не умаляет значения многих крупных и специальных проблем советской литературы, наоборот, он позволяет подойти к ним с единственно верных позиций, с позиций нужды и потребности народа, героически борющегося за торжество коммунизма.

Второй всесоюзный съезд писателей признан стать для всех литераторов школой познания народного опыта. Пристальное и всестороннее изучение духовного богатства советского общества и творческое осмысление способов наиболее полного и правдивого раскрытия героя нашей современности в художественной литературе, несомненно, помогут писателям обогатиться, глубже понять самые разнообразные стороны жизни, уяснить новые возможности в работе.

Надо проникнуться сознанием всей ответственности, лежащей на нас, писателей страны Советов, и коллективными усилиями подготовить и провести съезд на высоком уровне, достойном великой многонациональной советской литературы.

ИРКУТСК

Лев СЛАВИН

Будем смотреть вперед

В ряду больших и важных вопросов, которые встанут на съезде, одно из первых мест должен занять вопрос о мастерстве. Самые благие намерения рушатся, если они не выражены в соответствующей художественной силе. Замечание Леонида Соболева на Первом съезде писателей о том, что «спарта и правительство дали советскому писателю решительно все. Они отняли у него только одно — право плохо писать», — замечание это сохраняет свою справедливость и сегодня. Тусклые, серые писания способны лишь скомпрометировать идею, которую они взились защищать. Мы ждем от докладчиков на съезде развернутого и квалифицированного разбора произведений советской художественной литературы. Мы были бы очень разочарованы, если бы такой анализ свелся, как это, к сожалению, вошло в них критических статей, к отрывочным вступительным оценкам.

Помимо проблемы качества, хотелось бы, чтобы съезд занялся и проблемой количества. Отряд советских писателей недостаточно велик по сравнению с возросшими культурными потребностями народа. Мы должны стать не только лучше, но нас должно стать и больше. Особенно ясно эта количественная недостаточность обнаружилась сейчас в кино. Его в значительной степени вызван сценарный голод.

С этим связан и вопрос об увеличении количества современных изданий. Ленинские писатели вполне справедливо поднимают вопрос о возобновлении в их городе издания второго литературно-художественного журнала. Сейчас для этого появились возможности, недаром местный альманах не испытывает недостатка в рукописях. Сделаво бы восстановить также некоторые журналы, закрывшиеся в различные времена по различным причинам, такие, например, как «30 дней», посвященный малым формам — новеллам, рассказам, «Молодая гвардия» или журнал типа «Красной нови».

Мы ждем от съезда не только обзоров того, что было достигнуто. Конечно, мы должны оценить пройденный нами путь, особенно — последний период. Но мы не должны ограничивать себя рассмотрением прошлого. Страна наша находится на новом этапе коммунистического развития. Надо смотреть вперед и намечать перспективы развития нашего искусства.

Международные отклики

Нью-Йоркская биржа является одним из самых главных барометров настроения крупных монополий. Стоит наступить некоторому ослаблению международной напряженности, как на бирже возвращается уныние. И наоборот. Лишь только агрессивным силам удастся создать где-либо новую угрозу миру, биржа лихует. Так произошло и теперь, после принятия лондонских и парижских соглашений, призванных возродить германский милитаризм и создать вермахт гитлеровского типа.

Магнаты вооружений оживились, получив наживу. В октябре на нью-Йоркской бирже отмечалось значительное повышение курса акций компаний сталеплавильной и авиационной отраслей промышленности. Корреспондент агентства Ассошиэтед Пресс, комментируя этот факт, прямо писал, что представители Уолл-Стрита «связывают» устойчивое положение этих двух отраслей промышленности с заключением международного соглашения о вооружении Германии — основным пунктом американской внешней политики.

Итак, с реинтенизированной Западной Германией монополии связывают мечты о новых барышах. Недаром американский министр обороны бывший президент компании «Дженерал моторс» Вильсон заявил недавно о намерении правительства США усилить военные ассигнования «на предстоящие годы». Американская печать указывает, что при этом монополистические круги рассчитывают убить сразу двух зайцев: получить крупные барыши на военных поставках и задержать неуклонно развивающиеся кризисные явления в экономике США.

В эти дни США усиливают поставки оружия и снаряжения для первых западноевропейских дивизий. А чтобы ускорить военное производство в самой Западной Германии, американские империалисты предоставили ряду западногерманских фирм военные заказы на 7,76 миллиона долларов. За океаном работает также и о снабжении вермахта продовольствием. Для нужд армии в Западной Германии будет отгружено на сто с лишним миллионов долларов излишков сельскохозяйственных продуктов.

Оживились и западноевропейские магнаты военной промышленности. Западногерманская газета «Штутгартер цейтунг» пишет, что французские эксперты работают над планом, предусматривающим создание советских немецко-французских заводов по производству оружия для западноевропейских вооруженных сил. Наибольшую настойчивость проявляют западногерманские магнаты. На первом плане вновь появилась мрачная фигура германского короля вооружений и одного из главных военных преступников — Круппа.

Западногерманская газета «Вельт ам зоннтаг», комментируя соглашение о реинтенизации Западной Германии, пишет, что это соглашение «глубоко вторгается в жизнь каждого из нас. Тяжелым бременем ляжет гонка вооружений на плечи трудящихся. Орган промышленников — газета «Индустрикурьер» свидетельствует, что британское правительство израсходует на строительство казарм, складов военных материалов, аэродромов и т. д. до 7 миллиардов марок в течение ближайших двух лет. Одним своим примером газета невольно иллюстрирует мысль «Вельт ам зоннтаг» о «вторжении» милитаризации в жизнь каждого немца. Она сообщает, что упомянутый выше план военного строительства вызовет сокращение гражданского жилищного строительства. Так, со всей неизбежностью возрождение гитлеровской политики безудержной милитаризации влечет за собой и возрождение на практике лозунга гитлеровских времен: «Пушки вместо масла».

США и их партнеры, как известно, добиваются включения западногерманского вермахта в агрессивную атлантическую группировку. Приведенные факты свидетельствуют прежде всего о том, что западные державы торопятся как можно скорее вооружить западногерманскую армию. Подобная политика встречает растущее осуждение в широких слоях общественности, одобряющих советскую ноту от 23 октября, которая направлена к обеспечению мира и безопасности в Европе.

Стремясь не допустить объединения Германии, вооружить ее западную часть, правящие круги США любыми путями хотят исказить суть советских предложений, уйти от их обсуждения, скрыться за разговорами о возможности переговоров после вооружения Западной Германии. Однако народы ждут от западных держав прямого и ясного ответа, ответа по существу.

ЛИТЕРАТОР

Брюсовский вечер в Москве

Литературная общественность Москвы отменила 30-летие со дня смерти выдающегося русского поэта В. Я. Брюсова. Памятный день был посвящен вечеру, состоявшийся вчера в Октябрьском зале Дома союзов. Вечер открыл И. Новиков.

В. Гольцев охарактеризовал сложный творческий путь В. Брюсова. Воспоминания о Брюсове поделился П. Антокольский.

неприязненного или просто равнодушного отношения к себе, неустойчивый человек начинает усваивать прежде всего все самое худшее, что бытует еще среди шахтеров.

Неприятную картину пришлось однажды мне видеть на шахте № 1—2 «Собия». Молодой техник пришел на шахту под хмельком. С трудом выговаривая слова, он лепетал:

— Вы извините... Я, конечно, виноват... Нехорошо. Хватил лишнее. Надо же было угостить старого мастера...

Окружающие смеялись, хотя повода для веселья не было, а были все основания сурово наказать за такую «науку» мастера, серьезно поговорить с юной и взгреть его за проступок.

Очень поучительна судьба инженера Бориса Потенко, о которой мы хотели бы рассказать подробнее. Он окончил года полтора назад Московский горный институт и вернулся в родные края, в Максесуголь. На шахте он стал работать начальником участка. У Бориса Потенко было много свежих мыслей, он привык с собой горюче желание организовать работу на участке так, как его учили. Он был уверен, что в шахте можно работать так же ритмично и четко, как на заводе, несмотря на всю сложность подземного труда. На шахте, ранее передовой, была в глубоком прорыве: коллектив из месяца в месяц не выполнял государственного плана добычи угля. Нетрудно было увидеть, что главной причиной являлось отставание подготовительных работ и организационно-технические неполадки. На шахте нередко «штурмовали»: все технические средства, всех людей ставили на добычу угля, а подготовительные работы забрасывали.

Энергичный молодой начальник участка решил отказаться от штурмовщины, которая всегда связана с нарушением правил горных работ. Он стремился организовать работу по графику цикличности, но это оказалось не так просто.

Борису Потенко не хватало опыта. Приходилось заглядывать в учебную литературу, советоваться с опытными горняками. А вскоре он увидел, что на шахте есть косные люди, которые смотрят на новичка глазами старой мастерщины и не хотят делиться своим опытом.

Однажды он распорядился пустить комбайн, а в стороне от нарушенной части кровли брать уголь вручную. Бригадир навалотбойщиков выслушал приказание начальника молча. Существование через некоторое время в забву. Борис Николаевич увидел, что возле нарушенной части кровли остается целочик угля; взять его мешал комбайн.

— Почему же вы не попросили отвести машину назад? — спросил Потенко бригадир.

Тот смотрел куда-то вбок.

— Так вы же не приказали, — ответил он ровным голосом.

Что это? Боязнь ответственности или нежелание помогать? Опытный бригадир мог бы указать молодому инженеру на его упущение; мог бы и маневром комбайна проявить инициативу.

Потенко понял, что прежде всего надо создать на участке крепкий, дружный коллектив. Он считал ненормальным такой распорядок, когда помощникам начальника участка и горным мастерам, перекачав таким же, как и он, молодым инженерам и техникам, не доверяют решать самые несложные вопросы повседневного руко-

водства. Молодые горные мастера боялись проявлять инициативу, потому что им не давали возможности как следует освоиться с работой и приобрести опыт.

Постоянная переборка кадров с места на место, все еще не изжитая в угольных комбинатах, тяжело все сказывается на молодых специалистах. Надо сказать, что этот вредный «стиль» руководства привнес самим Министерством угольной промышленности. Начальники шахт и главные инженеры без конца перемещали. По тресту «Максесуголь» за год из десяти начальников шахт сменили пять, а по тресту «Красногордейскуголь» — из девяти всемо.

Министерство сменило начальников шахт, а те не прочь были со своими подчиненными. Так, например, бывший начальник шахты имени Орджоникидзе треста «Красногордейскуголь» тов. Исаенко за один только месяц подписал восемь приказов об увольнении молодых инженерно-технических работников. Парторгу Ивану Василевскому пришлось отстаивать то одно, то другого работника от наскоков ретивого начальника. Где уж тут думать о воспитании молодых специалистов, о создании для них нормальных условий на производстве и в быту!

Закончить хочется разговором все с тем же молодым инженером Борисом Потенко. «...Он только что провел наряд, сидел в тесном кабинете за серым от угольной пыли столом. Перед инженером — ворох бумаг, различного рода сводки, Борис Николаевич говорит:

— Работа начальника участка известная: утром — наряд, затем оформляем документацию за прошедшие сутки, потом — в шахту. Днем опять наряд, потом совещание у главного инженера или начальни-

ка шахты. Пока пообедаешь, а там опять на наряд. Домой придешь поздно. Сказать по правде, масса времени растрачивается попусту — много у нас лишних разговоров: то совещания, то заседания, то беганье по кабинетам начальников, составление бесчисленных отчетов, будь они не ладны... А чтобы руководить участком в механизированной шахте, надо думать, следить за развитием технической мысли, надо держать. А мы варимся в собственном соку. Я даже газеты не успеваю читать...

— Что вы! — Мой вопрос расценил его. — Студентами мы любили и потанцевать и попеть. Теперь не до песен.

Конечно, речь шла главным образом о невозможности пополнять знания, полученные в институте или техникуме. Текучка заставляет молодого инженера забрасывать книги и газеты, он перестает читать техническую литературу, забывает о существовании театра и музыки, он всегда куда-то торопится. И главное, у него никогда нет уверенности, что ему дадут возможность освоиться и приобрести опыт на определенном участке работы.

На помощь старикам идет молодежь на вузов и техникумов. Надо создавать для молодых специалистов такие условия, чтобы они могли применять свои знания и постоянно пополнять их, чтобы они могли проявлять инициативу и творчески решать сложные вопросы механизации угольного производства. Тогда и угля будет больше.

Думается мне, что молодому специалисту не грех бывать и в театре, читать романы, интересоваться музыкой и живописью. Право же, и угледобыча от этого выиграет!..

г. СТАЛИНО

ТРЕТИЙ СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

Украинская советская драматургия и кинодраматургия

Л. Дмитренко в своем содокладе отметил, что к съезду писателей украинской советской драматургии пришла с немалыми успехами. За период между съездами появилось несколько десятков новых пьес. Только за последний год театры республики показали около 20 новых украинских пьес.

Произведения украинской советской драматургии поставлены не только многими театрами Советского Союза, их приветствовали и широкие круги зрителей в странах народной демократии.

Но, отмечая все эти, преимущественно количественные успехи, мы должны все же честно и открыто признать, что наша драматургия еще не преодолела своего отставания от жизни, от возросших требований читателя и зрителя.

Драматурги, как и все писатели республики, в большом долгу перед главным рабочим классом. Широко известна пьеса А. Корнейчука «Макар Дубрава» — эталонное произведение в рабочем классе. Корнейчук достигает успехов именно там, где он выступает как повздор.

Пьеса «Макар Дубрава» должна быть для нас живым образцом того, как высокая и благородная тема творческого социалистического труда становится объектом возмущающей поэзии, материалом для напряженного драматического действия, а не превращается, как это бывает у некоторых драматургов, в голую схему служебно-производственных отношений.

Сумел поэтически показать героические будни рабочего класса Я. Баш в «Днепро-ских зорях». Правдиво и эмоционально расширяет он события и показывает социалистический труд героев в тесном соединении с их личными чувствами и переживаниями. К сожалению, в этой пьесе есть явные следы «теории» бесконфликтности. Пачатый с напряжением конфликт вскоре как бы сникает, некоторые столкновения героев остаются чисто производственными, не решены автором как морально-этические проблемы.

Далее Л. Дмитренко подробно анализирует причины неудач В. Соболя в пьесе «Счастье Трофима Корчака», а также отдельные недостатки в пьесе молодого драматурга Ф. Вольного «Мера любви» и призывает писателей перейти от деклараций к созданию пьес о рабочем классе, ибо на эту тему в украинской драматургии есть только четыре названные пьесы.

Неблагополучно и с так называемыми «колхозными» пьесами. Известно немало произведений, в которых вместо людей действовали сельскохозяйственные агрегаты, а вот пьес о колхозном селе и его тружениках, об агрономии и механизаторстве, о борьбе партийных организаций за высокие урожаи и воспитание людей — таких пьес очень мало. Можно вспомнить пьесы З. Прокопенко «Весенний поток», А. Хижняка «На большую землю», М. Бирюкова «На высокую долину» и Н. Зарудного «Весна». В этих пьесах есть явные недостатки, особенно в «Весне». Н. Зарудный не проявил самостоятельности и сделал пьесу по избитой схеме: отсталый колхоз, плохой председатель, правление, с фронта возвращается положительный герой, и сразу начинается чудо — перестройка. Эти пьесы сделаны в свое время полезное дело, но, к сожалению, до сих пор за ними не последовало произведений более глубокие и совершенные.

Благодарному делу борьбы за мир, разоблачению и беспощадному бичеванию черных сил мировой реакции и их верных прислужников — украинских буржуазных националистов — посвятил свою жизнь и творчество пламенный писатель-боец Я. Галаан. На протяжении всего творческого пути он писал талантливые, глубоко партийные и народные пьесы. Обидно, что много лет эти произведения были малоизвестны и не видели сцены. Ничто пьесы Я. Галаана «Под Золотым Орлом» и «Любовь на рассвете» обилии почти все театры Советского Союза. Надо надеяться, что вскоре зритель увидит и другие его пьесы — «Лодка качается...» и «Швейка».

Немало вез украинские драматурги по святой теме борьбы за мир и международной солидарности трудящихся. Лучшими из них являются, несомненно, «За вторым фронтом» В. Соболя и «Прага остается моей» Ю. Буряковского.

Невнимание к проблеме жанра в драматургии — прямой результат вредной для искусства «теории» бесконфликтности. Во времена ее распространения этой горе-теории считалось даже излишним обозначать жанр пьесы, искать новые оригинальные пути развития драматургии, ее жанрового обогащения.

Непонимание особенностей жанра наглядно сказалось на пьесах исторических, показывающих людей и события времен освободительной войны украинского народа в 1648—1654 гг. В. Сокол в «Красной калине» и Б. Полонский в «Губе петляна Богдана» задурили показать героические события, а решают тему в жанре музыкальной комедии. Немудрено, что в композиции их произведений много искусственного, надуманного, много тяжелого и неуместного в музыкальной комедии и слишком облетного, даже легкомысленного для драмы.

Ю. Граный назвал свою пьесу «По пути Богдана» исторической драмой. Материал, взятый автором, пригоден для создания большого исторического полотна. А пьеса написана примитивно, в ней больше оперетты, нежели драмы, причем оперетты типа неакадемической «Бум-мирошниц» или «Сатана в ботинки». Драмой назвал свою пьесу «Дуляна Бобиландя» и даровитый начинающий драматург Л. Балаковский. Пьеса в общем интересна, но автор не добился того драматического напряжения и композиционной четкости, какие обязательны для драмы.

Прозрационирован пьесы биографического жанра — «Петербургские осень» А. Ильченко, «Слово правды» Ю. Костюка, «Красную розу» Л. Смелянского, «Кахо» А. Левады, «Арсада» В. Суходольского, пьесы давние и новые. Л. Дмитренко призвал писателей подумать, все ли забыты из того, что волновало сердца 15—20 лет назад, забыто справедливо и не нужно ли некоторые из старых пьес вернуть на сцену. Особенно досадно, что в

репертуарных планах театров республики нет произведений выдающегося мастера украинской драматургии Павла Кочерги «Иродас Мудрый» и «Свадьба Свечки».

Украинская драматургия, как и вся советская драматургия, еще не решила почетной и ответственной задачи — не создала полноценных произведений, которые онем сатиры выжидали бы все враждебное нам, отстало, вредное, все, что мешает нашему движению вперед. В сферах сатирической комедии кое-кто высказывал мысль, что отсутствие в них положительных героев целиком компенсируется положительным идеалом автора. Действительно, идеал автора, его идейно-творческое кредо имеет в сатирическом произведении важнейшее значение. Но, по моему мнению, отсутствие яро выписанных положительных героев в комедии советского драматурга — серьезнейший недостаток.

Авторы сатирических произведений должны утверждать силу и воспитательное значение пьесы литературы, быть по откровенности и скрытым носителям «теории» бесконфликтности, лицемерия и перестраховочности, идейным противникам нашего искусства.

В. Минько в комедии «Не называй фамилий» показал типичных людей: достаточно вспомнить Дяну, Поэму, Велу. В пьесе действует на редкость вялый Кочубей и негодная Негудыхата. А сильного, положительного героя в комедии нет, ни в тексте, ни в подтексте. Из комедии мы узнаем, что в Закарпатье живут честные и трудолюбивые люди, но они не яры, не сильные, малодельственны. И, прочитав пьесу для просмотра спектакля, мы не ощущаем величия и богатства нашей жизни, силы и красоты советских людей, например, жителей того большого города, где развешиваются многие эпизоды комедии. Поэтому комедия «Не называй фамилий» никак нельзя причислить к достижениям украинской советской драматургии.

Известно, какое единодушное осуждение вызвали клеветнические пьесы Зорина, Мариненко, Городецкого. Надо сказать, что серьезное творческое поражение понесли и некоторые украинские драматурги. И. Муратов и М. Авак в пьесе «Сам себе враг» искаженно изобразили взаимоотношения между людьми в советском обществе. Поверхностно и декларационно решили серьезную тему становления новой, социалистической морали И. Вагмут и В. Сокол в пьесе «Дорогая мамочка». Серьезные недостатки есть и в пьесе молодого живописца драматурга М. Петраки «Под крышей нашего дома».

Нам нужны, крайне нужны пьесы с острыми конфликтами, пьесы, трагующие актуальные темы современности, остро критикующие все старое, отжившее, и смело утверждающие новое, растущее. К таким произведениям принадлежит новая пьеса А. Корнейчука «Брыля». Она прозвана светлым партийным идеалом труда и борьбы за благо советских людей, за укрепление социалистического государства, борьбы за приближение коммунизма. Пьеса пропагандирует коммунистическую партийность и принципиальность. Высокий моральный идеал автора воплощен в ярком и сильном образе героя — секретаря областного комитета партии Ромодана.

Есть в пьесе и недостатки. Сделало бы яче раскрыть тот факт, что положение в области имеет свои конкретные причины, что у коммунистической партии и советского народа всегда, на всех этапах нашего славного пути, были богатые крылья, были люди, похожие на Ромодана, были дерзания и творческий полет, — были, есть и будут. Другой недостаток пьесы состоит в том, что общественный и личный конфликты в ней не связаны между собой, существуют отдельно. А. Корнейчук принадлежит к числу тех писателей, которые обязаны двигать нашу литературу к вершинам советской классики. Именно поэтому то, что можно простить другому, нельзя простить Корнейчуку. Между тем и в предыдущих пьесах драматурга, таких, как «Макар Дубрава» и «Калиновка рожд», личные отношения героев показаны маловразумительно.

Следует признать, что еще очень отстает в республике кинодраматургия. Во многом повинны здесь кинематографические организации, которые неправильно относились к писателям, и особенно к молодым авторам, отвергали хорошие сценарии, редактировали их неподобающими методами и фактически не заботились о привлечении писательских сил, о выпуске новых художественных фильмов.

За последние годы украинская кинематография дала несколько фильмов. «Тарас Шевченко» получил всеобщее признание и высокую оценку, зато «Шедевро» стало образцом лагитированной кинопродукции. Вышел на экран фильм «Судьба Марини», поставленный по сценарию Л. Компанец. В фильме есть солидная доза иллюстративности и лакировки. В сценарии были заложены возможности для расширения и углубления конфликта. К сожалению, в процессе претворения сценария в фильм режиссеры не использовали эти возможности и затупили конфликт.

Сейчас в кинематографии намечается отрядный перелом. В будущем году Киевская студия должна выпустить 12 полнометражных художественных фильмов. Три фильма должны выустить Одесская студия. Поэтому возрастает ответственность всей писательской организации за быстрое развитие кинодраматургии. Пока что тематический план производства художественных фильмов на 1954—1956 гг. по обеим студиям имеет случайный характер, так как, по сути дела, построен на самодеятельности.

Для развития нашей драматургии весьма важна проблема создания положительного героя и проблема конфликта. Отказавшись от социалистических споров, нужно признать, что образ положительного героя может быть подкованным лишь при условии, если он раскрывается в борьбе против своих антагонистов, в преодолении противоборств. Вообще, и положительный и отрицательный образы выявляются только в действии. Положительный герой в нашей действительности всегда наступает. Если он в пьесе встречает слабое сопротивление, воюет с ветряными мельницами, то в чем же проявится его ум, мужество, воля к

победе, его характер? Ясно, что в бесконфликтной пьесе не может быть убедительного образа положительного героя.

Создание ярого образа нашего современника — строителя коммунизма — наша первоочередная задача, мерло идейно-художественной зрелости писателя, критерий его мастерства. Мастерство — категория не только технологическая, но и идейная. Разве можно сегодня назвать ярым мастером того автора, который кладет в основу произведения мелочную тему, изображает потничных людей, не видит в нашей действительности ее великих черт и тенденций? Именно поэтому проблема положительного героя современности есть одна из основных проблем мастерства нашей литературы.

Великие художники слова никогда не представляли себе образ своих героев как абстрактную схему, изготовленную по тому

Украинская советская литература для детей

В украинской детской литературе, сказала Н. Забила в своем содокладе, работает немало писателей, имена которых широко известны юным читателям. На произведениях О. Донченко, М. Трубианин, О. Иваненко, А. Коныленко, В. Бычко, И. Неходы, И. Панча, В. Владко, П. Скавбуша, М. Пригари воспитывалось не одно поколение советских граждан. После Великой Отечественной войны ряды детских писателей в Украине пополнились новыми талантливыми авторами, книги которых быстро приобрели популярность. Это Ю. Збанацкий, Н. Дубов, И. Вагмут, М. Познанская, Б. Чалый, М. Успенский и др.

Но для детей пишут не только литераторы, посвятившие этому все свое творчество, а и многие из лучших украинских литераторов, работающих в основном для взрослых читателей. — И. Тучина, М. Рыльский, О. Гончар, А. Головки, В. Васильевский, А. Малишко, В. Союра, П. Воронько, И. Муратов, Л. Нервомайский и другие.

Лучшие книги украинских авторов в переводах на русский и другие языки братских народов становятся достоянием многомиллионных юных читателей великой Советской страны. Широко у нас известны украинские повести Ю. Збанацкого «Тайна Соколинго бора» и «Лето в Соколинго», И. Вагмута «Счастливые дни суворовца Гриничуга», книги О. Иваненко «Родные дети» и «Пути Тараса», М. Познанской «На родной земле», И. Воронько «Читаночка», написанные в период между двумя съездами. Кроме того, на всевозможных конкурсах на лучшую книгу для детей были отмечены премиями книги украинских писателей: «Наш колхоз «Юна» М. Познанской, «Твой друг Хозе» А. Батрова, «На родной земле» П. Дубова, первые книги молодых писателей Г. Бойко, А. Дрозд, И. Шакаровской и других.

Наибольшим успехом украинской детской литературы последних лет является повесть В. Белая «Старая крепость», удостоенная Сталинской премии.

Достижения украинской детской литературы несомненно, но это не значит, что она полностью удовлетворяет запросы и требования юных читателей. Многие важные темы все еще не нашли нужного ярого освещения в произведениях для детей. И прежде всего это касается школьной жизни. О важности этой темы принято говорить на всех совещаниях, посвященных детской литературе, но решающее звучание здесь нет до сих пор. Кроме повестей О. Донченко «Юно Васюта» и «Золотая медаль» да нескольких более или менее удачных рассказов различных авторов, нам похвастать в этой области нечем.

Не менее важной для детской литературы является и тема труда советских людей, строителей коммунизма. И здесь мы не можем удовлетвориться существующим положением. Если труд колхозного крестьянина нашел свое отражение в книгах М. Познанской «На родной земле», О. Донченко «Праздник в колхозе», М. Стельмаха «Латва» и «Болосок к колхозу», Ю. Збанацкого «Лето в Соколинго», то книг о труде рабочего класса в нашей детской литературе гораздо меньше: из них можно вспомнить поэму М. Успенского «О Антессе», сборники стихов Г. Бойко «Будем шахтерами» и «Мы из Донбасса» и сборник рассказов П. Байдебури «Дети шахтеров». Можно было бы назвать и другие произведения украинских детских писателей, посвященные теме труда, покажу людей той или иной профессии. Но большинство из них (особенно поэтические) страдают крупным недостатком: они показывают читателям лишь внешние признаки профессии, не проникнуты подлинным напором труда и зачастую являются лишь отсылкой от важной темы.

Остановившись подробно на произведениях украинских литераторов, посвященных темам дружбы народов и жизни детей и взрослых в странах народной демократии, Н. Забила отметила, что и здесь перед детскими писателями Украины попрежнему стоит задача — создать целую серию поэтических и прозаических книг, которые развернули бы перед юными читателями широкую картину нашей великой страны, показали бы противоположность двух миров: нового, прогрессивного, стоящего за мир и творческий труд, и мира старого, капиталистического, пытающегося снова захватить старый огонь и кровью войны.

— Неодулетому бегу у нас, — заявила Н. Забила, — такие жанры, как научно-фантастический и приключенческий, хотя всем известна любовь читателей среднего и старшего школьного возраста именно к таким книгам. За последние годы на Украине появилась лишь одна научно-фантастическая повесть — «Торжество жизни» Н. Данишевца и две приключенческие — «Хазева Охотных гор» И. Вагмута и «Лесная красавица» Ю. Збанацкого. — Специфика детской литературы, — сказала далее Н. Забила, — заключается в том, что автор обязан владеть особым умением рассказывать о серьезных вещах чрезвычайно живо, интересно, доступно. У нас есть значительное количество хороших книг для дошкольников, особенно стихов. Кроме упоминаемых ранее книг П. Воронько, М. Познанской, следует отметить книгу И. Неходы «Мой наезд» и ряд хороших стихотворений В. Бычко, П. Муратова, Л. Нервомайского и др.

Уже обстоит дело с прозаическими произведениями для самых маленьких, где

никому рециту. Они всегда представляли их как живые человеческие характеры. Неумение строить сюжет на столкновениях и борьбе четко обрисованных, открытых гиперболизированных характеров, на проявлении и развитии их страстей — первоочередная композиционная слабость наших произведений.

Характер человека в жизни и характер героя в литературном произведении — вещи далеко не одинаковые. Свойство литературного героя, единственно отвечающее большой правде искусства, — это, следовательно, неустрашимое проявление его черт и качеств. Сколько бы мы ни говорили о мастерстве, мы ничего не достигнем, пока не обречем этой слабости, пока будем думать, что искусство не терпит схем и шаблонов, что искусство оперирует не логическими категориями, а присутствием только ему художественными средствами.

приходится отметить лишь прекрасный рассказ О. Донченко «Глухой витник», небольшие сборники В. Иванова «Шама Наташа» и Ф. Балаковского «Как вырос пирожок». Следует признать, что за последние время мало сделано и в таком излюбленном детьми жанре, как сказка, хотя именно при помощи сказочной формы можно наиболее легко и доходчиво прививать детям основы этических понятий и норм.

Большой похвалой на пути создания высокохудожественных и художественно полноценных книг для детей стала в свое время печальная память «теории» бесконфликтности. По отношению к детской литературе она приобрела своеобразный вид ложного «педагогизма», вульгаризаторского упрощения и искажения требований педагогов. Сводился эта теория к тому, что детям, мол, следует показывать в книгах не то, что есть в жизни, а то, что должно быть; то изображать острейшие жизненные конфликты, ошибки и недостатки детей, а тем более взрослых, — «педагогично»; то воспитывать детей можно только на положительных образах, старательно избегая отрицательных явлений. Все, что не отвечало «идеальным» педагогическим нормам и образцам, объявлялось «нетипичным» и недопустимым в книгах для детей. Это обидно писателям на неужную и вредную лакировку действительности.

Тесно связан с этим и вопрос об образе положительного героя в детской литературе. За последние время было немало разговоров о том, должен ли положительный герой быть полностью лишены отрицательных черт или он может все же иметь недостатки.

— Мне представляется, что сама постановка такого вопроса ошибочна, — сказала Н. Забила. — Если речь идет о подлинно художественном, талантливом произведении, то никогда не может появиться и мысль о том, что автор нарочно наделял своего положительного героя определенной дозой недостатков. Такое впечатление может возникнуть лишь тогда, когда в произведении нет жизненной правдивости, психологической глубины, следовательно, когда у автора не хватало художественного мастерства и глубокого знания жизни для того, чтобы убедительно изобразить своего героя.

Эти тезисы Н. Забила убедительно проиллюстрировала примерами положительных героев из повестей «Сашко» Л. Смелянского и «Огни на реке» Н. Дубова. Оба главных героя этих повестей — Сашко и Костя — живые, сообразительные и любознательные советские дети, не лишены, естественно, и недостатков (особенно Сашко, который в первой части повести задает немало хлопот своим воспитателям). И в обоих случаях под влиянием среды и обстановки у детей проявляются и развиваются замечательные в них лучшие качества. Герои показаны в развитии, в борьбе, они приходят к концу произведения уже не такими, как появились в нем в начале, а лучшими, более сильными, обогащенными новыми чертами. Вот почему читатель, закрывая книгу, также чувствует себя обогащенным.

Подвергнув подробному и обстоятельному анализу работу выходящих в Украине детских журналов «Пионерия» и «Барьер», а также деятельность издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь», высказав в адрес редакций журналов и издательства ряд обоснованных критических замечаний и претензий, Н. Забила заявила о настоятельной необходимости создать на Украине специальное детское издательство.

Н. Забила закончила свой содоклад кратким обзором работы комиссии по детской литературе ЦСНУ, подчеркнув, что эта комиссия в отчетном периоде не ощущала достаточного внимания и помощи со стороны Президиума Союза писателей Украины, который ни разу не обсуждал творческие вопросы детской литературы. Такое положение отрицательно отражается на развитии детской литературы, на ее идейно-художественном росте.

После содокладов Л. Дмитренко и Н. Забины III съезд писателей Украины заслушал доклад председателя ревизионной комиссии ЦСНУ П. Панча.

На заседаниях съезда 28 и 29 октября в прениях выступили: М. Рыльский, О. Гончар, В. Соболя, И. Рыбак, Ю. Школьник, С. Васильев, А. Малишко, А. Нехода, М. Руденко, А. Малишко, С. Михалков, министр просвещения УССР Д. Пинчук, Е. Новиков, Б. Рюриков, П. Болланюк, И. Воронько, министр культуры Украинской ССР К. Литвин, Б. Романюк, А. Ключня, Б. Назайчук, С. Крижанский.

Со словом дружеского приветствия писателям Украины, с горячими пожеланиями новых успехов братской украинской литературе выступил писатель П. Бровня (Белорусская ССР), Я. Назарян (Туркменская ССР), А. Кахар (Забайкальская ССР), В. Лордкипанидзе (Грузинская ССР), А. Прокофьев (Ленинград), А. Рейзов (Башкирская АССР), М. Мирчакар (Таджикская ССР), С. Вурган (Азербайджанская ССР), Е. Бузов (Молдавская ССР), В. Луке (Латвийская ССР), А. Бауза (Литовская ССР).

От имени колхозников артели имени Чкалова Новомиргородского района, Днепропетровской области, с приветствием съезду выступил председатель колхоза Герой Социалистического Труда А. Шергина. От рабочих, инженеров и техников Киевского механического завода — рабочий А. Куряков.

Сегодня, 30 октября, съезд продолжает свою работу.

АГАРАКИ

Новый Афон — один из самых живописных уголков Черноморского побережья. Весной, летом и осенью здесь отдыхают тысячи людей, приезжающих из самых различных концов страны. В ближайшие время курорт станет еще краше.

В день 37-й годовщины Республики Украина в районе Нового Афона, резко изменил свое направление — они покинут побережье и пойдут по новой трассе. Перенесение железной дороги освободит курорт от шума.

После будут останавливаться в живописной местности у новой станции Агараки (Курортная), расположенной в долине гор, на берегу глубоководного озера. На месте старой железной дороги будет разбит приморский сквер. На снимке: новый вокзал Нового Афона — Агараки.

НА ТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ

ГОДЫ БЕСПЛОДНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ...

Было время, когда на родительские собрания в школы приходили единицы, а создание родительского лектория являлось чрезвычайным событием. Сейчас на собрания приходит столько отцов и матерей, что школьные залы зачастую не в состоянии вместить всех. Именно по этой причине одна из родительских конференций 393-й ленинградской средней школы была перенесена в большую зал Дома культуры имени Газа. Послушать лекцию о воспитании детей в семье пришли рабочие и работницы Кировского и других заводов — многие прямо с работы. Задавали вопросы, выступали, говорили о своих затруднениях, спрашивали совета.

Да, связь между советской семьей и школой крепнет и углубляется. Это видит каждый учитель. Все чаще и громче звучат требования самих родителей: — Научите. Вооружите педагогическими знаниями. Ведь есть же наука...

Ну как тут сказать матери, что в педагогических институтах будущим учителям почти ничего, да пожалуй, абсолютно ничего не говорят о принципах взаимодействия семьи и школы? Как сказать ей, что Академия педагогических наук за все годы своего существования не выпустила ни одного сколько-нибудь значительного научного труда по педагогике семьи?

Здесь мы, естественно, подходим к вопросу, существует ли в Академии педагогических наук отдел, который занимается педагогикой семьи? Да, существует. Это сектор семейного воспитания Института теории и истории педагогики. Но странно: если в жизни вы всегда встречаете глубокую взволнованность, когда речь заходит о воспитании детей в семье и школе, то здесь, в единственном научном центре страны по семейной педагогике, вас охватывает атмосфера глубокой тишины и вернувшего покоя...

Обратимся к фактам. С 1944 по 1949 год в Академии педагогических наук существовала группа по семейному воспитанию.

С 1949 года группа реорганизована в сектор научно-исследовательского Института теории и истории педагогики. Возглавил сектор кандидат педагогических наук И. В. Чувашев. До этого он специализировался на вопросах коммунистического воспитания в семье не занимался. После этого — тоже...

В первый год своего облопленного существования, как и положено, в секторе составлен план. Все внимание было сосредоточено на одной теме:

«Совместная работа школы и семьи над повышением качества знаний учащихся». Первым же решением сектора на новых началах озвучены результаты не дал. Второй — также. Видоизменилось лишь название научной темы: «Система работы школы с семьей, помогающая обеспечить полную успешность и высокое качество знаний учащихся».

В 1951 году в план вносится все та же тема в несколько более общирно: «Система работы школы с родителями, обеспечивающая высокую успешность».

По олять ни школа, ни семья ничего реального не получили.

Правда, заведующий сектором кандидат педагогических наук И. В. Чувашев за это время успел написать докторскую диссертацию по истории дошкольного воспитания. А став доктором педагогических наук, П. В. Чувашев с зыбкой помощи сектора семейного воспитания перешел в сектор истории педагогики!

Е. И. Волкова, сменявшая И. В. Чувашева, также до этого специально вопросы семейного воспитания не занималась. 1952 и 1953 годы прошли почти без всяких изменений, а с 1954 года план был составлен сразу на три года. Тему назвали «Воспитание детей в семье», то есть просто перенесли в план название сектора.

А. С. Макаренко требовал от педагогов выслепения в первую очередь общих принципов, узловых вопросов, чтобы дать возможность родителям, как он писал, «самоостоятельно решать многие педагогические задачи». Какие же задачи сектор считает узловыми? Какие научные проблемы первоочередными? Не известно. Тема взята несохватывающая: «Воспитание детей в семье». Авось, что-нибудь постепенно определится...

На заседаниях сектора идут споры о методике наблюдения в семье. Идут словесные по такому вопросу: нужно ли только наблюдать или следует вмешиваться в воспитание?

Да разве тут есть о чем спорить? Руководители сектора все время сетуют, что не решен вопрос об оплате родителей, помогающих научному сотруднику проводить наблюдения... в своей собственной семье.

В секторе жалуются: — Работник другого сектора пошел в школу, найдет хорошего учителя, научит его опыт, и все просто. А у нас не просто. Придется в семье о намеченной теме, о каком-нибудь приехавшем госте, и родителям не до вашей темы.

Но ведь может быть и так — научный сотрудник придет в семью с одной «намеченной» темой, а родители водят совсем другая. Как быть тогда?

Значит ли все сказанное, что научному сотруднику сектора нужно отказаться от «схождения в семью»? Конечно, нет. Но в семье надо проводить не сторонним наблюдателем, не экспериментатором, а опытным, умным другом. И обязательно всегда по конкретному поводу. А этот конкретный повод может дать только школа. Ведь школьный учитель в семье учащегося — не обследователем с блокнотом и карандашом в руках. Он глубоко связан с семьей, наблюдает ее в течение многих лет, наблюдает повседневную, так сказать, «жизнь событий». Путь решения проблемы именно в том, чтобы слыть огромным, неоценимым опытом учителя, классных воспитателей с педагогической теорией.

На постоянно действующей педагогической выставке при Ленинградском городском институте усовершенствования учителей есть дневники классной руководительницы, учительницы 312-й школы Клавдии Степановны Павловой. Здесь не только тонкие наблюдения, но и горячая заинтересованность в судьбах воспитанника. Взаимоотношения школы и семьи здесь прослеживаются на протяжении многих лет.

На той же педагогической выставке можно найти и другие интересные материалы, характеризующие воспитательное воздействие семьи на детей. Однако трудно учителю-практику привести все эти наблюдения в систему, обобщить их, поднять на уровень научной доказательности. Нет для этого времени, отвлекают насущные, неотложные задачи повседневной педагогической работы, а подчас нет и достаточной научной подготовки. Вот тут бы и пригласить деятелей педагогической науки — разобраться, обобщить, осветить весь этот ценный опыт системно. Вот тут бы не только самим плодотворно потрудиться, но и вооружить методом научного исследования учителей.

Что могут сделать четыре научных сотрудника сектора без органической связи со школой? Но вместе с учительством их уже не четверо, а тысячи, десятки тысяч, — это могучая армия!

Я спросил у Клавдии Степановны, уже названной выше учительницы 312-й школы, что она знает о секторе семейного воспитания Академии педагогических наук.

— А разве есть такой? — спросила почтенная учительница с крайним удивлением. — Впервые слышу...

О существовании сектора семейного воспитания не знают не только рядовые учителя, но и директора передовых ленинградских школ: 210-й — Т. Е. Конникова, 321-й — М. Г. Баранов, 393-й — Т. И. Шкорбатова и многие, многие другие. Ничего не знают! А сектор существует годы. Как же неупоминать для школ его существование!

Думается, что главное направление деятельности единственного в стране научного центра семейной педагогики — это, конечно, не лекция для родителей, не беседы по радио, даже не писание популярных брошюр. Прежде всего от педагогической науки можно и следует требовать, чтобы она вооружала теорией семейного воспитания миллионы с лишним учителей страны. Надо сказать, наконец, с какой программой воспитания следует учителю приходить к родителям школьника, какие научно проверенные методы рекомендовать, как на основе нашего передового коммунистического мировоззрения пропагандировать в массах педагогические знания.

Наш народ взволнованно откликается на каждое ценное слово о семейном воспитании. Достаточно вспомнить первую книгу для родителей А. С. Макаренко: какое огромное влияние оказала она на школу, на литературу. В этой книге, как известно, были поставлены вопросы взаимоотношений в семье. Так почему же в разработке науки о семейном воспитании так равнодушно относятся в Академии педагогических наук? До каких же пор эта проблема будет считаться, так сказать, «несозревшей»? Почему теоретический журнал Академии педагогических наук «Советская педагогика» обходит эту тему?

В свет вышло более пятидесяти выпусков «Навестий АНУ РСФСР», но и в этих трудах проблема семейной педагогики не получила отражения. Можно ли с этим мириться? Нет, конечно. Возможно, что для начала следовало бы даже создать широкую научно-педагогическую конференцию по воспитанию детей в семье.

Пригласить к участию в этой конференции виднейших деятелей советской педагогической науки и других общественных наук, передовых учителей, врачей, родителей, научных работников, писателей. Возможно, что следует найти какие-то другие пути. Но так или иначе, а наука о семейном воспитании должна выйти, наконец, из тихой заводи на широкие просторы жизни.

Елена КАТЕРЛИ

Творческий союз или „литературный департамент“?

Совершенно справедливо сказано было о том, что творческая работа должна быть связана с литературным производством...

В Ленинградском отделении СПС «департамент» поименно меньше, чем в Москве, но выискивает, что и его можно сократить...

Может быть, в комиссиях и секциях за этот год написано немало меньше протоколов, проведено немного меньше «мероприятий»...

Интересно, что когда работать в секции начинал свежий человек, он сразу же видит непроизводительность своих занятий...

Хотя нет, убыток, несомненно, есть! Убыток двойной: растрачено время, которое могло быть использовано для того, чтобы создавать книгу...

В открытом письме «Товарищам по работе», опубликованном на днях в «Литературной газете», выражено пожелание, чтобы в главе журналов, издательства, альманахов...

Интересно подумается: прислать в Москву по самым важным, самым для писателя главным, творческим вопросам, а в Союз писателей если и зайдем, то в самую последнюю очередь...

Кстати, о комиссии по приему в Союз писателей: она, конечно, должна остаться, но работа эта требует основательных поправок...

Для того, чтобы укрепить Союз писателей и повысить его значение, как коллективной творческой организации, надо так поставить дело, чтобы живые, талантливые писатели были прежде всего отаными производственным площадкам...

Сценарий и производство

В. ШКЛОВСКИЙ

За последнее время наши киностудии выпускали в год около десяти художественных полнометражных картин...

Снимать надо начинать сейчас же, но база для съемок, то есть непосредственные технические средства кинофабрик, как будто находится в противоречии с этой новой программой...

Возникает вопрос — что же делать? Может быть, подожать с развертыванием программы до тех пор, пока не будут построены все корки для навильных? Это решение будет неправильным...

Я работаю в кинематографии более тридцати лет и, опираясь на этот опыт, могу сказать, что основным затруднением в развертывании кинематографии сейчас является не только отсутствие сценариев...

Когда снимали мало картин, то старались эти картины делать монументальными. Ставились задачи — создать непременно шедевр, причем на заготовку...

Картинки главным образом посвящались какому-нибудь крупному историческому событию. Возникла привычка не раскрывать события, а демонстрировать его, пышно обставляя появление героя...

А обратимся к нашим классическим советским картинам. Фильм «Броненосец «Потемкин» снят по сценарию, написанному Агаджановым...

И. Г. Чернышевский говорил, что творчество писателя начинается с того, «...что вы сумеете отделить нужное от ненужного, принадлежащее к сущности события от постороннего».

И Эпштейн справился с этой задачей. Так, например, во время экспедиции в Одессе, уже после того, как были отсняты эпизоды революции, происходящей в Петербурге...

У них появилось свое лицо. Зритель захотел посмотреть их судьбу, он понял характер этих людей и через это — и обитая 1905 года.

Интересно, что режиссеры сумели обойти простыми техническими средствами. Основная масса была снята в одном месте, даже без подстройки камеры...

Братья Васильевы создали фильм «Чайная». Картина по своим изобразительным средствам проста: ее массовки почти безны и совсем немногочисленны...

Сценарий оказался перечислительным и своеобразно хроникальным. В нем показаны Венеция с карнавалом, дорога в Россию, Петербург, композитор Лист в Петербурге...

В фильме прекрасно изображено население в Петербурге. Человек, знающий историю Петербурга, может догадаться, что во время написания переворот монашеские колокола Исаакиевского собора...

В фильме прекрасно изображено население в Петербурге. Человек, знающий историю Петербурга, может догадаться, что во время написания переворот монашеские колокола Исаакиевского собора...

И. Г. Чернышевский говорил, что творчество писателя начинается с того, «...что вы сумеете отделить нужное от ненужного, принадлежащее к сущности события от постороннего».

И Эпштейн справился с этой задачей. Так, например, во время экспедиции в Одессе, уже после того, как были отсняты эпизоды революции, происходящей в Петербурге...

И. Г. Чернышевский говорил, что творчество писателя начинается с того, «...что вы сумеете отделить нужное от ненужного, принадлежащее к сущности события от постороннего».

Все это сказалося на кинокартине. Фильм получился в два раза длиннее, чем нужно. Его пришлось сокращать.

Художественно-производственные ошибки сценария обилие во много миллионов рублей. На деньги, даром израсходованные, можно было бы построить два-три больших жилых дома или большую фабрику киноленки.

Очень мало за последние годы было бытовых сцен на современную тему. Мало кто знает, что такие картины, как «Машенька», «Ариадна», в прокате оказывались самыми посещаемыми зрителем, но их не поднимала критика...

Зритель привлекли эти фильмы потому, что он видел в них приукрашенную, а обычную, правдивую жизнь простого человека. Она проходила не в специально придуманных и построениях для этого палатки...

Здесь сыграли роль мнимые производственные трудности. Часто, берясь за бытовую тему, режиссер боится природы и строит в навильные города, считая, что та действительность, в которой мы живем, недостаточно роскошна для кинематографа.

Сценарий оказался перечислительным и своеобразно хроникальным. В нем показаны Венеция с карнавалом, дорога в Россию, Петербург, композитор Лист в Петербурге...

Москва красива всем своим живым, неповторимым облик, новым и новым ростом. Однако рядом с новыми зданиями существуют еще и старые дома. Это говорит о тех трудностях, которые преодолеваются строительство коммунизма, трудности, которые знает сам зритель...

Каждый момент жизни, знакомый зрителю, является сюжетом постольку, поскольку в этом моменте вскрывается сущность нового человека. В основе сюжета лежит анализ характера, анализ жизненных отношений человека, а не простая смена событий среди роскошных декораций.

Мы пишем монументальные сценарии, снимаем их в 15—10 павильонах, а можно снять простую и очень человеческую картину с четырьмя, с двумя павильонами и с натурой.

Мы должны стремиться к созданию цикла простых сцен; совершенно возможно написать сценарий с тремя, четырьмя павильонами, с простой натурой, не требующей дальнейшей экспозиции. Нам надо помнить, что существует не только летняя натура, но и зима. Надо выйти из павильона и показать реальную жизнь, которая грандиознее всего того, что мы можем построить из фанеры...

Спор лучше молчания

Давно уже на всесоюзной трибуне слышно голоса саратовских литераторов. «Кто же виноват в этом? — задается вопросом писатель Г. Боровиков в статье, опубликованной саратовской газетой «Коммунист»...

В саратовской писательской организации из десяти членов и кандидатов СПС восемь не обременены служебными обязанностями, занимаются только писательским трудом, профессионально, за последний год? Десятки посредственных рассказов, ни одной пьесы, поставленной на театральной сцене, ни одного очерка...

К тому же то немногое, что вышло в свет, составлено в большинстве своем из произведений не новых, уже ранее публиковавшихся. «Новые же произведения не прозвучали как вклад в советскую литературу. Они не брали, они нужны, но вкладом они не явились. Дело не в том, что надо требовать от нас обязательно больших полотен. Если бы появился у нас один только рассказ, в котором автор поднял бы пласт жизни и показал его так, чтобы рассказ пошел читателя вперед...

Подходя к анализу причин создавшегося положения, Г. Боровиков ставит вопрос: «Пошла ли на пользу нам профессионализация? Трудно ответить на это сразу, но каждому из нас надо подумать над этим».

Автор приводит характерный пример, подтверждающий безусловный вред ранней профессионализации литератора. Молодой прозаик Ю. Семенов вслед за своим первым рассказом недавно опубликовал в местном альманахе повесть «Прошлите, скалистые горы». Но не успев выйти в свет свежий номер альманаха, как начинающий литератор, «окрыленный» успехом, стал усиленно добиваться «незаконной» выплаты ему гонорара по повешенной ставке, на которую не имеет ни формального, ни фактического права...

«Вы очень спешите прощаться и разбогатеть. Это опасно...», — писал как-то Горький одному из литераторов. Автор статьи напоминает об этих словах своему, не к месту напористому товарищу.

Еще одна — и главная причина серьезных неудач в работе саратовских писателей Г. Боровиков видит в отсутствии целенаправленной и боевого подхода к важнейшим темам современности. Большие перемены происходят сейчас в саратовской жизни. К этому новому в нашей действительности любой писатель не может быть равнодушным. И автор статьи прав, когда негодует против такого равнодушия: «Не случайно за последний год в деревне побывали только трое писателей. Остальные предпочитают жить безвыездно в Саратове, что свидетельствует о нашей лени, об отсутствии любознательности, без которой немалосмысленно заниматься литературным творчеством».

В заключение Г. Боровиков пишет: «Если я в чем-то неправ, ошибаюсь, пусть меня поправят, пусть у нас завяжется спор. Но, право же, спор лучше молчания».

К сожалению, пока что саратовские литераторы предпочитают молчание спору, — хотя прошло уже больше месяца, откликов на статью Г. Боровикова в газете не появилось.

Тридцать встреч

Пожалуй, никогда творческое общение писателей со своими читателями не было столь широким и разносторонним, как в эти дни, предшествующие Второму съезду. Только в октябре в столице и области состоялось около тридцати встреч литераторов с читателями.

на девяти предприятиях, встретится с читателями активом десяти районов столицы. В городском Доме пионеров писатели встретятся со школьниками; в Доме союзов состоится День детской книги.

З. КЕДРИНА

Поэзия и жизнь

Эмануил Казакевич пришел в поэзию из поэзии. Это обстоятельство отчасти объясняет его умение изобразить поэтическую сущность явлений действительности, которое выделяет книги Казакевича среди многих произведений нашей новейшей поэмы. Как поэт, Казакевич умеет высоко ценить точное, вышукое, весомое поэтическое слово. Высокий пример дерзновенного «Паруса», может быть, во многом помог в создании маленького шедевра советской поэмы — «Звезды».

Казакевича. Автор поставил перед собой весьма трудную задачу. В предисловии здесь лирическое отступление от этой задачи — эле, усложняя, создав поэтическую фигуру отрешенного от всего житейского подвижника. Малейшее отклонение от жизненной правды, — и отрешенность всякая под превратилась бы в обреченность, а отгадка разведчиков, дерзко оперирующих в тылу врага, могла предстать перед читателем, как лихое ухарство людей, которым жизнь не дорога и море по колено.

Ничто в «Звезде» не приукрашено и не поднято на ходули. Ни характеры героев-разведчиков — от вчерашнего школьника Травника, трудная биография которого начинается сразу за порогом класса, до ловкача Мамочкина, даже в разведке не оставляющего своих привычных «облачных» навыков. Ни жестокая, опасная дорога, какой идут к своему бессмертному подвигу разведки и очень разные советские люди. Ни совсем земное, вначале даже несколько суетное отношение связистки Кати к юному лейтенанту Травнику, выросшее в то высокое, как звезда, чувство, которое поддало Катю над всем тем, что знала она до сих пор в других и в самой себе.

Если мы разберем стих «Звезды», то без труда обнаружим, что это произведение прозы написано во многом средствами поэзии. Это сказывается и в поэтической предметности речи некоторых персонажей, но особенно ясно — в авторской речи. Автор любит смелые убоения (разведчики шагают по обочине дороги, «как тела, лишенные души»; разведчик, уходящий в тыл противника, «не имеет имени, как лесная птица»), парочные повторы (сплошной наледей и железного упорства, она мала). Никто уже не ждал, а она ждала).

Не то в разведке. «Надев маскировочный халат, крепко завязав все шнурки — у шкелюток, на животе, под подбородком и на затылке, разведчик, отрешаясь от житейской суеты, от великого и от малого. Разведчик уже не принадлежит ни самому себе, ни своим начальникам, ни своим товарищам. Он подвывает к поусу гранаты, нож и кладет за пазуху шпатель. Так он отказывается от всех человеческих установлений, ставит себя вне закона, полагаясь отныне только на себя».

Поэтическое противопоставление «земли и звезды», поэзия и жизнь и разведывательного отряда, символизирующих в то же время эмоциональную и философскую сущность жизни этих двух групп людей, ложится в основу композиции, обуславливая развитие сюжета и образцов основных героев повествования. И эти поэтические средства органичны и естественны в раскрытии высшего поэтического смысла бессмертного подвига разведывательных людей, готовых отдать жизнь во имя Родины, и заключается основной замысел

превращения обреченной жизни наших людей в высокую поэзию.

По то в последующем произведении Э. Казакевича «Двое в степи». Здесь сказано незрелое мировоззрение художника, в силу которой реальная жизнь, претворенная в поэзию, оказалась подмененной опозитивированным идейно-логичным замыслом, имеющим весьма мало общего с реальной действительностью.

Эмануил Казакевич любит изображать исключительное. Незаро его лучшими, самыми близкими героями стали люди откровенно редкой военной профессии — разведчики. Однако в повести «Звезда» это исключительное — типическое. Бессмертный подвиг — явление не повседневное, и «зеленые прыжки» «Звезды» — не среднестатистические «маленькие» люди при всей их бытовой достоверности. Однако самоотверженный творческий героизм, определяющий характеры ее главных героев, — типическая черта советского человека, и исключительно трудные обстоятельства, в которых действуют Травник и его товарищи, — типические обстоятельства во всенародном подвиге Отечественной войны.

В повести «Двое в степи» герои, так же как и в «Звезде», поставлены в исключительные обстоятельства, но и объективность эти и сами люди, изображенные автором, не типичны. В основе этой повести лежит не поэзия реальной жизни, а старательная опозитивированная парочная мысль о бессилии человека перед лицом степных обстоятельств, которые могут с равной дерзостью сделать его и героем и предателем. В этом произведении исключительное рождается исключительным и в свою очередь порождает исключительное. Автор как бы задался целью отвлечь своих героев от реальной жизненной обстановки для того, чтобы потребно «на свободе» претворить их в поэзию. Для построения такой, абстрактной истории героев от реальных жизненных условий обстановки автору приходится пропускать одну случайность за другой. На ответственное и строгое задание в трудной военной обстановке случайно происходят несомненно юного лейтенанта, только что прибывшего на фронт; случайный запутавшийся ночью, лейтенант этот прибывает не туда, куда надо, и случившееся, вследствие этого, гибнет целая взводная часть. Прогнозанный к расстрелу, лейтенант идет своей участю в землянке, к которой случайно поставлен часовым не-

кий казах, наделенный автором не реальным национальным характером советского солдата-казаха, а некоей неопределенной и психологически неподвижной экзотической маской «восточного человека». Наступающий противник внезапно занимает этот район, и случайно наши отступающие части забывают взять с собой заключенный и часовой. Часовой ринает вести заключенного через линию фронта, и вот, наконец, двое находятся с глазу на глаз в случайно безлюдной степи. Тут-то автор и начинает свои эксперименты!

В итоге: идея и художественно несостоятельное мелодраматично-жалостливое изображение военного преступника, погубившего целую воинскую часть, являющегося и свою очередь, по Казакевичу, невинной жертвой жестокой версупрентации, и художественно-эпический смертный поединок двух врагов-партизоров на дне разлоупиной природой.

Один год отделяет повесть «Двое в степи» от вышедшей в 1947 году «Звезды» и один год — от следующего произведения Казакевича, романа «Вена на Одер». Здесь автор вновь обращается к типическим обстоятельствам беспримерного подвига первой в истории Армии Мира.

Широкая картина победного наступления Советской Армии весной 1945 года использована автором для того, чтобы показать истоки нашей победы, историко-философский ее смысл.

Как и в «Звезде», здесь заглавие определяет поэтический замысел вещи и ряд сюжетно-композиционных узлов. Это вена победы и вместе с тем вена в природе, когда еще трудно, еще идут кровавые бои и жестокие стычки, сыплет снег с музрого неба, но вена уже наступила. Снег тает, бегут ручьи, текут разнонаправленные потоки людей по военным дорогам, людей, освобожденных армией-победительницей из концентрационных лагерей, из фашистского плена. Это вена человечества, вена свободы.

Еще мутья весенние потоки: все плывет в них — и тала вода, и пенки, и мусор. Но дорогая война движется вперед, идут простые честные люди, а рядом фашистские отряды, стремящиеся обратиться в бегство, запереться где-нибудь и казнить.

Ощущает неведомое ему до тех пор тепло ожесточенный капитан Чохов, годы живший меством за погибших родных. Теперь разномыслие массы людей открывает ему сердца, как посланцу мира. Возникает любовь его и голландки Маргарет, для которой в этом русском офицере воплощена ее затоптанная фашистскими сапогами чистая мечта юности, мечта простого человека о счастье и справедливости для всех.

В поисках угнанной в рабство дочери привратник солдат Сливенко в немецкий фольварк. Узнав от старика-сторожа, что хозяйка угнала пленных русских девушек далеко, на запад, он, охваченный мстительной яростью, внезапно велит дочерям сторожа собираться: «...на восток, марш-марш». Но серьезная покорность немкам, больше красивые руки, привлекшие к тяжелому труду, возбуждают жалость в Сливенко: «Никс Сибирь... Идти до бисовой мамы». В освещенном солнцем пейзаже сознания Сливенко отчетливо возникает мысль: не эти люди виновны в фашистских преступлениях и не на них должно быть направлено справедливое возмездие. Это — вена чужбы.

Из концлагерей и фашистских застенков поднимается немысленное будущее, упорные и жизнеспособные ростки будничной демократической Германии. Живые и живые вожди немецких коммунистов, Вильгельм Ник и Эрнст Тельман возглавляют строй сражающихся за новую Германию. Это — вена возрождения.

Образ весеннего потока у Э. Казакевича написан очень тонкими поэтическими линиями. Такова, например, залочная карта, в которой тучивается Чохов. Это ведь тоже мусор, несомый в потоке, мусора маленького тщеславия.

Однако в «Вене на Одер», хотя во многом повторяющей композиционные принципы «Звезды», нет того стилистического и целостного единства, какими отличаются «Звезда». В какой-то мере это и понятно — широкое полотно романа не может быть полностью организовано по новеллистическим принципам маленького повести, вернее, даже рассказа, каким является «Вена». Это вещи, которые даны в романе средствами публицистики.

Но это была бы еще большая беда. Настоящая, горячая публицистика находится куда ближе к лирике, к поэзии вообще, чем об этом принято говорить. Вспомним стихи великого Маяковского, Набоу Неруды, Назыма Хикмета. Как отделить здесь поэзию от публици-

стики, да и зачем это нужно? И в «Вене на Одер» есть такое органическое слияние лирики и публицистики, например в мечте Сергея Лубенцова о человеке со знаменем.

А вот в истории переосвещения и перепродажи фашистской агентуры американским резидентом и в некоторых других эпизодах автор, поднимая существенно важную тему, пользуется публицистикой, лишь обозначающей предмет, но не раскрывающей его вглубь в свете праведного гнева гуманиста-борца.

Но при всех имеющихся в романе недостатках это существующий этап в творчестве Э. Казакевича, новая высота, которую надо закрепить и от которой можно двигаться дальше. В «Вене на Одер», хотя и уступающей «Звезде» в отношении гармонического соответствия друг другу всех компонентов произведения, все же больше исторического простора, горизонты этого произведения обширнее, чем в первой повести Э. Казакевича. Можно было бы ожидать, что в последующем своем произведении автор будет стремиться на основе своего опыта, успехов и неудач сочетать широту охвата действительности и глубину ее понимания, свойственные «Вене на Одер», с гармонической ясностью и законченностью «Звезды».

Вышедшая в свет в 1953 году новая повесть Казакевича «Сердце друга» свидетельствует, однако, о том, что автор решил, оставив занятую им «высоту», вернуться не только к своей первоначальной манере претворять большие события в малой поэтической форме. Что же, на этом пути была у него и значительная удача — «Звезда». Но он решил вернуться к к противопоставлению судьбы «счастлив» человека общему смыслу исторических событий, какое имело место в повести «Двое в степи», раскрыть якобы присутствующую каждому явлению истинную, низкий смысл высших вещей.

Автор ринает показать исключительную человеческую ценность своего героя не через его боевые подвиги, а через силу чувства его к жене, а, главное, — жены к нему. Правда, автор говорит также и о том, что Акимов — хороший командир, поэтому именно его выбирают для выполнения ложного маневра, в котором заведомо должно погибнуть выполняющее его подразделение. Уже самые эти

МИКОЛАЙЧИК — ТАЙНЫЙ АГЕНТ

Пескочко лет назад, спасаясь от народного гнева и возмездия за предательство, бежал из Польши тайно Миколайчик. Сей час, когда этот, с позволения сказать, «политический деятель» опирается на испуг и нашел приют у океана, он пытается прикинуться невинной овечкой. А кое-кто в иностранной, преимущественно американской, буржуазной печати даже именует Миколайчика «национальным героем», пострадавшим якобы за интересы польского народа. Согласно этой легенде, Миколайчик бежал из Польши будто бы с помощью «разделяющих» его взгляды польских крестьян. Однако этому мало кто поверит, ибо в действительности все было совсем иначе.

Миколайчик, как теперь достоверно установлено, давно изменил своей родине и своему народу. У него — большой стаж службы на американских империалистов. Об этом же свидетельствует в вышедшей в США книге «На траурном погосте» такой осведомленный автор, как бывший американский посол в Польше С. Гриффис.

«Он был наш человек... — открывает пишет посол о Миколайчике. — Наши обязательства по отношению к Миколайчику были ясны. Мы организовали его возвращение в Польшу, на него возлагали надежды...»

Вот каково настоящее лицо Миколайчика! Оказывается, он просто-напросто обычный американский тайный агент или, по выражению Гриффиса, «наш человек»!

Он даже имел особую кличку: «Мик». Об этом также сообщает Гриффис в книге.

Из откровенных слов американского посла о всей очевидности явствует, что Миколайчик — агент разведки США, враг польского народа, волк в овечьей шкуре, который никогда и не думал что-либо сделать для процветания демократической Польши. Разыгрывая роль крестьянского лидера в стране, он служил своим заокеанским хозяевам, действовал по их указке. Но, как гласит русская народная поговорка, «сколько веревочке ни виться, конец будет».

Именно так и случилось. Пытался Миколайчик затормозить развитие народной Польши, реставрировать в ней капитализм, организовать саботаж мероприятий народного правительства, но — тщетно. Ничего из этого не вышло. Вскоре он окончательно провалился, оказался перед опасностью разоблачения и, естественно, кинулся за помощью в посольство США.

Вспоминая об этом периоде, Гриффис пишет: «...Мы не стали медлить с оказанием ему помощи... Вопреки всякой дипломатической белиберде, мы должны были спасти этого человека».

Чего только не придумывала американская разведка, чтобы вырвать своего провалившегося агента! Сначала Гриффис хотел вывести Миколайчика из Польши в багажнике личной автомашины «крайслер», затем — в трюбу с останками американских солдат... В конце концов его увезли из Польши на пароходе, который следовал в Англию.

Гриффис свидетельствует: Миколайчик бежал из Польши, имея с собой личную револьвер и зубную щетку (?!), одетый в «сильно потрепанный американский дождевой плащ и шляпу с обвисшими полями, которые я ему послал» (!).

Все, что касается истории бегства Миколайчика, теперь совершенно ясно. Непонятно только, какое отношение ко всему этому имело «любимое» Миколайчиком крестьянство, одним из «своих» которого якобы являлся? Крестьянина, как это неперекладно вытекает из книги Гриффиса, здесь не было, да и быть не могло. Таким образом, С. Гриффис, бывший американский посол в Польской Народной Республике, внес в этот вопрос полную ясность.

Поэзия и жизнь

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Обстоятельства мешают показу ценности Акимова, как командира, — ему почему-то выпадает, ему негде развернуться, как творческому человеку. Таким образом, хотя Акимов и показан как человек волевой, окруженный неким ореолом трагизма, он лишен того творческого объяснения, которое свойственно вдохновенным мастерам своего дела — Травкину и Лубенцову.

Не познав дека человека, нет возможности проникнуть и в его психологию. И «сердце друга» также оказалось раскрытым недостаточно глубоко. Любовь Акимова к юной и чистой Анючке Белозеровой едва ли не самая слабая линия повести. Уже в ранне советных Э. Казакевича произведениях наметилась тенденция борьбы с лакировкой, тенденция неприкрасенного, прямого изображения трудностей жизни. Война у Э. Казакевича — тяжелое, суровое дело. Герой этой войны — обыкновенный советский человек, зачехленную с немальными недостатками. Вспомним «благного» Мамочина, радистку Катю, капитана Чохова. Но в «Звезде» и «Весте на Одер» патристические дедания и чувства подымают рядовых людей, в решающий момент их вдохновенной боевой деятельности они становились чище и прекраснее. Персонажи этих двух произведений имели высокий нравственный ориентир в лице таких героев, как Травкин и Лубенцов, Акимов и Сивенко.

В «Сердце друга», наоборот, с целью наибольшего приземления образов автор наделяет именно положительного героя некоторыми снижающими его характер чертами. Еле, казалось бы, не беда, что Акимов внешне грубоват, но уже совсем не соответствует самому замыслу повести то обстоятельство, что он нечужок и, мы бы сказали, неумел, неталантлив в любви. Об этом свидетельствует и случайная, оскорбительная связь Акимова с Натасей, и его ничем не обоснованная грубая ревность в отношении Анючки, заслоняющая от него даже тревогу о близком человеке, находящемся на войне.

Нам могут возразить, что на фронте такие вещи бывали. Да, бывали и такие, но если автор задает целью показать высокие человеческие качества Акимова через его любовь к женщине, то читатель вправе был ожидать изображения истинно прекрасного и высокого чувства советского, настоящего

МЕСЯЦ В ГОЛЛАНДИИ

Гроссмейстер А. КОТОВ

Сентябрь в Амстердаме капризен и неспокоен. Много раз в день ясное, светлое небо покрывается сплошными тучами и мелкий дождь вымывает до блеска улицы города, одетые плоским камнем.

Заполняемому прохладному, лунному к себе домой в южную часть Амстердама, невольно бросается в глаза ярко освещенное здание «Аполло-холла». Его огромная, застекленная крыша вышестя над нами, бросая свет на мокрые листья окружающих деревьев. Не бойтесь сразу, почему здание ярко освещено, а внутри царит тишина. Что за дым густо скопился под крышей — от него освещенные стекла стали желто-серыми. Только войдя внутрь, прохладный увидит, что дым этот от сигар и сигарет сотен амстердамцев, часами наблюдающих мозаичные шахматные сражения сразу на пятидесяти двух шахматных столах. А еще раньше, у входа, он прочтет плакат с надписью: «Мировой шахматный турнир», и немного ниже: «XI шахматная олимпиада».

Голландцам пришлось организовать командное первенство мира, как говорят шахматисты, «де факто». Два года назад шахматная федерация Аргентины пригласила команду всех стран на очередную олимпиаду в Буэнос-Айрес, однако за месяц до начала сообщила, что провести турнир не может из-за отсутствия необходимых средств.

Тогда руководство Международной шахматной федерации обратилось к голландцам с просьбой взять на себя проведение XI олимпиады. Мар города и шахматная федерация Голландии согласились провести это шахматное соревнование, несмотря на то, что оставалось совсем мало времени. Нужно сказать, что с этой трудной задачей голландцы вполне справились. Около двухсот участников команд были гостеприимно встречены в Амстердаме, им были созданы все необходимые условия для полноценного творчества.

Итак, мы вновь в Голландии, где уже бывали дважды после войны — в 1946 и 1948 годах. Понятно, нас интересовало, какие изменения произошли за это время в стране, что появилось нового в жизни, экономике и культуре Голландии.

Мы с живым интересом оглядываем Амстердам. На улицах много велосипедистов. Жители едут на велосипеде на работу, в магазины, на прогулки, в кино. Виртуозность, с которой они управляют велосипедом, поразительна. На велосипеде ездят семьи; голландец умудряется поместиться на одной машине вместе с женой и детьми. Можно видеть, как едут на велосипедах обнищавшие влюбленные парочки, веселые подружки, которые беззаботно щелкают посреди оживленного городского движения.

В 1946 году многие голландцы верили в «план Маршалла», в помощь американцев. Еще бы, ведь они только что освободили страну от гнета фашистской оккупации. Правда, это освобождение не стоило им больших усилий, так как гитлеровцы оттащили все свои войска на Восточный фронт, и освобождение Голландии произошло скорее парад войска, чем военные действия.

Тогда американцам здесь процлолось многое. Одинажды известный американский шахматист вызвался показать нам музей, расположенный на одной из улиц северного голландского города Гронингена, где мы играли в международном турнире. Он всерьез расхваливал японскую, посаженную в этом садике-музее много лет назад одной из голландских королев. Посещение музея закончилось, однако, конфузоз. Запасенный «любитель» старинный престо-напросто оборвал все яблоки с этого дорожка для голландцев дерева и, убедившись, что они кислые, тут же вырвал

человека, примерами которого изобилывала Великая Отечественная война. А между тем произведение Э. Казакевича, задуманное как гимн всеобъемлющей любви, снижает высокие чувства и понятия. Даже отцовское чувство омрачено в «Сердце друга» низменными мыслями и подозрениями.

Позию человеческих характеров, чувств и отношений Э. Казакевич стремится здесь возместить красотами стилей, но совсем ловко выглядящими на сниженном фоне повествования поэтическими условностями. Вот Акимов и Анючка впервые надеются в облетавшей осенней роще. Им и даются здесь локальные поэтические акцессуры из жизни птиц и деревьев. Акимов со старомодной манерностью разминуется, что любимая все равно что птица, которая добровольно спускается к тебе на руку, но настоящее место которой — вверху, очень далеко от тебя. Глядя на руку Анючки и на свою, Акимов думает, что обе руки ему напоминают «узкий, изящный листок ивы рядом с большим кленовым листом». И вся эта изящная метафористика идет мимо сердца читателя, ибо в ней не заключено ничего, кроме эстетизированного сравнения: никакого реального смысла, красоты, никакого тепла.

Истинная поэзия, основанная на высоком пере в человека, на поэтическом проникновении автора во все детали воспроизводимой им действительности, подмечена здесь чисто внешним поэтическим украшательством.

Умачи и срывы талантливого художника наглядны и поучительны не для него одного. Писатель может брать за основу для обобщения строго ограниченный материал или широко разветвленный, он может показывать мир через чувства и постигнуть небольшой группы действующих лиц или через движение множества.

Но лишь там, где с позиций социалистического реализма в свете передового коммунистического мировоззрения выражена подлинная правда действительности, поэзия — не внешний орнамент, а живая ткань художественного произведения, его форма, движение и душа. Читатель жет от талантливого художника, обогащенного многообразным опытом жизни и искусства, новых произведений, которые свидетельствовали бы о дальнейшем творческом росте.

Победу советской команды предсказывала вся печать Голландии и других западных стран. Некоторые голландские газеты выстунили со статьями, в которых даже утверждали, что после окончания олимпиады состоится матч шахматной команды Советского Союза против сборной команды остального мира. Иного пути соревнования с советскими гроссмейстерами эти газеты не видели.

Их ход борьбы в XI олимпиаде превзошел самые смелые ожидания советских шахматных любителей. Легко выиграв первое место в полуфинале, команда СССР в финальных соревнованиях с первого тура и до конца шла на первом месте. Лишь на один матч команда Аргентины и Югославии догнали советскую команду, но затем Аргентина, проиграв команде СССР со счетом 3,5 : 0,5, отпала и заняла второе место. Аналогичная судьба постигла команду Югославии, занявшую третье место. В итоге турнира шахматисты Советского Союза на семь очков обогнали команду, занявшую второе место, — случай, невиданный в истории командных соревнований на первенство мира по шахматам. Уже перед последним туром нас поздравили с завоеванием кубка и золотых медалей чемпионов мира.

Советские шахматисты считали своим долгом встретиться с рядовыми шахматными любителями Голландии в беседах и сеансах одновременной игры. За короткий срок, оставшийся до возвращения в Москву, гроссмейстеры СССР провели около двух десятков сеансов в различных городах страны. Они побывали в Гаге, Роттердаме, Утрехте, Зандаме и других городах и всюду встречали теплый прием.

Оценивая результаты поездки советских гроссмейстеров в Голландию, мар города Амстердама г-н Д'Айн сказал, что эта поездка во многом способствовала пропаганде шахмат в стране. Мы рады, добавил г-н Д'Айн, что провели эту олимпиаду, в которой приняли участие советские шахматисты — сильнейшие шахматисты в мире.

Печать Голландии объективно расценивала шансы советской команды и встретила победу гроссмейстеров СССР достойной оценкой их мастерства. Правда, в ходе соревнования стремление к сенсации ставило иногда некоторые печатные органы Голландии в неловкое положение. Так, в первом туре партия матча СССР — Западная Германия, игранная на первой доске между гроссмейстерами Ботвинником и Унцикером, была отложена в худшей позиции для Ботвинника. На следующий день многие газеты поместили огромные статьи, знамявшие почти целую полосу, под заголовком: «Унцикер выигрывает у Ботвинника!». Здесь были и фотографии немецкого шахматиста, и его биография, и описание хода борьбы и его встрече с Ботвинником. Этому событию было отведено гораздо больше места, чем другим сенсациям дня, занимавшим печать: катастрофа голландского трансатлантического самолета и краже бандитами в Лондоне золота на сумму более чем полмиллиона гульденов.

На ту сторону состоялся догрывание партии. Она закончилась ничью. Газеты попали в неловкое положение.

О методах, применяемых некоторыми реакционными газетами Голландии, можно судить по следующему факту. Во время прошедшего весной этого года матча на первенство мира Ботвинник — Смыслов Всеюзнающая шахматная секция пригласила в Москву гроссмейстера Эйбе. Будучи занят в это время, голландский гроссмейстер сообщил, что приехать в СССР не может, и просил дать возможность посетить мать его дочери. Каролина Эйбе приехала в Москву, присутствовала на последних партиях матча, и ей была предложена честь увенчать лавровым венком чемпиона мира.

По возвращении Каролины Эйбе в Голландию, во многих газетах появились ее статьи с впечатлениями о матче, о Москве, о жизни в Советском Союзе. Большинство статей правильно и объективно отражало жизнь нашей страны, однако в некоторых газетах правда перемежалась с явно нелепыми измышлениями.

«Что же вы хотите!» — сказал нам по этому поводу один из голландских корреспондентов. — Ведь если бы она не добавила в статью ничего плохого о вашей стране, то издатели никогда бы ее не поместили. Уж я-то хорошо это знаю по себе!

Ровно месяц пробыли советские шахматисты в Голландии. За это время они встречались с людьми различных национальностей и рас, представлявшими многие страны мира с самыми различными государственными системами. Это творческое соревнование посланцев народов прошло в дружеской обстановке. Встреча лучших шахматистов мира явила собой пример мирного сотрудничества людей разных стран и наций, к которому так стремятся народы всего земного шара.

Двадцать шесть стран прислали свои шахматные команды в Амстердам для участия в борьбе за звание командного чемпиона мира. Организационно слабая шахматная федерация Канады с трудом, но все же собрала нужные средства для того, чтобы послать свою команду на олимпиаду. Даже маленькая Колумбия прислала своих талантливых шахматистов поучиться у ведущих гроссмейстеров мира. И только в одной стране не нашлось денег для того, чтобы оплатить расходы по проезду шести шахматистов через океан, — в Соединенных Штатах Америки. В Амстердаме нутились, говоря, что расходы на подрывную деятельность и подготовку войны в последнее время стали в США так велики, что ничего не осталось для поездки способных американских шахматистов на олимпиаду, хотя у них были все основания бороться за призовые места.

Рисунок прогрессивного немецкого художника Ганса, опубликованный газетой «Нейес Дейчланд», очень верно показывает, в каком положении оказалась на селе «бониская республика» после принятия западными державами соглашения о демилитаризации Западной Германии.

Как известно, в результате переговоров в Лондоне и Париже Западная Германия включена в агрессивный Северо-атлантический союз. С этой целью западные оккупационные державы заявили о предоставлении «суверенитета» аденauerскому «рейху». Все либерные этого утверждения очевидно даже для людей, не особенно искушенных в вопросах международной политики. В самом деле, о каком суверенитете может идти речь, если Западная Германия продолжает быть оккупированной иностранными войсками и должна содержать их, если оккупацию намерено продолжать по крайней мере до конца XX века, если бониское правительство не имеет права решать самостоятельно некоторые важные внешнеполитические вопросы? Ясно, что это не более, чем суверенитет в кавычках.

Потому вполне естественно, что все более широкие народные массы Западной Германии обращают свое внимание на Германскую Демократическую Республику, подлинно суверенное государство, где власть принадлежит народу.

Вот рисунок: представитель американской оккупационной армии усеся на спине западногерманского рабочего. Он старается попомать своей жерме глядеть за демократическую линию — тула, где немецкий трудящийся ныне видит осуществление своей вековой мечты о счастливой жизни. «Туда смотреть нельзя! Это не для тебя!» — говорит американец!

Победу советской команды предсказывала вся печать Голландии и других западных стран. Некоторые голландские газеты выстунили со статьями, в которых даже утверждали, что после окончания олимпиады состоится матч шахматной команды Советского Союза против сборной команды остального мира. Иного пути соревнования с советскими гроссмейстерами эти газеты не видели.

Их ход борьбы в XI олимпиаде превзошел самые смелые ожидания советских шахматных любителей. Легко выиграв первое место в полуфинале, команда СССР в финальных соревнованиях с первого тура и до конца шла на первом месте. Лишь на один матч команда Аргентины и Югославии догнали советскую команду, но затем Аргентина, проиграв команде СССР со счетом 3,5 : 0,5, отпала и заняла второе место. Аналогичная судьба постигла команду Югославии, занявшую третье место. В итоге турнира шахматисты Советского Союза на семь очков обогнали команду, занявшую второе место, — случай, невиданный в истории командных соревнований на первенство мира по шахматам. Уже перед последним туром нас поздравили с завоеванием кубка и золотых медалей чемпионов мира.

Советские шахматисты считали своим долгом встретиться с рядовыми шахматными любителями Голландии в беседах и сеансах одновременной игры. За короткий срок, оставшийся до возвращения в Москву, гроссмейстеры СССР провели около двух десятков сеансов в различных городах страны. Они побывали в Гаге, Роттердаме, Утрехте, Зандаме и других городах и всюду встречали теплый прием.

Оценивая результаты поездки советских гроссмейстеров в Голландию, мар города Амстердама г-н Д'Айн сказал, что эта поездка во многом способствовала пропаганде шахмат в стране. Мы рады, добавил г-н Д'Айн, что провели эту олимпиаду, в которой приняли участие советские шахматисты — сильнейшие шахматисты в мире.

Печать Голландии объективно расценивала шансы советской команды и встретила победу гроссмейстеров СССР достойной оценкой их мастерства. Правда, в ходе соревнования стремление к сенсации ставило иногда некоторые печатные органы Голландии в неловкое положение. Так, в первом туре партия матча СССР — Западная Германия, игранная на первой доске между гроссмейстерами Ботвинником и Унцикером, была отложена в худшей позиции для Ботвинника. На следующий день многие газеты поместили огромные статьи, знамявшие почти целую полосу, под заголовком: «Унцикер выигрывает у Ботвинника!». Здесь были и фотографии немецкого шахматиста, и его биография, и описание хода борьбы и его встрече с Ботвинником. Этому событию было отведено гораздо больше места, чем другим сенсациям дня, занимавшим печать: катастрофа голландского трансатлантического самолета и краже бандитами в Лондоне золота на сумму более чем полмиллиона гульденов.

На ту сторону состоялся догрывание партии. Она закончилась ничью. Газеты попали в неловкое положение.

О методах, применяемых некоторыми реакционными газетами Голландии, можно судить по следующему факту. Во время прошедшего весной этого года матча на первенство мира Ботвинник — Смыслов Всеюзнающая шахматная секция пригласила в Москву гроссмейстера Эйбе. Будучи занят в это время, голландский гроссмейстер сообщил, что приехать в СССР не может, и просил дать возможность посетить мать его дочери. Каролина Эйбе приехала в Москву, присутствовала на последних партиях матча, и ей была предложена честь увенчать лавровым венком чемпиона мира.

По возвращении Каролины Эйбе в Голландию, во многих газетах появились ее статьи с впечатлениями о матче, о Москве, о жизни в Советском Союзе. Большинство статей правильно и объективно отражало жизнь нашей страны, однако в некоторых газетах правда перемежалась с явно нелепыми измышлениями.

«Что же вы хотите!» — сказал нам по этому поводу один из голландских корреспондентов. — Ведь если бы она не добавила в статью ничего плохого о вашей стране, то издатели никогда бы ее не поместили. Уж я-то хорошо это знаю по себе!

Ровно месяц пробыли советские шахматисты в Голландии. За это время они встречались с людьми различных национальностей и рас, представлявшими многие страны мира с самыми различными государственными системами. Это творческое соревнование посланцев народов прошло в дружеской обстановке. Встреча лучших шахматистов мира явила собой пример мирного сотрудничества людей разных стран и наций, к которому так стремятся народы всего земного шара.

Двадцать шесть стран прислали свои шахматные команды в Амстердам для участия в борьбе за звание командного чемпиона мира. Организационно слабая шахматная федерация Канады с трудом, но все же собрала нужные средства для того, чтобы послать свою команду на олимпиаду. Даже маленькая Колумбия прислала своих талантливых шахматистов поучиться у ведущих гроссмейстеров мира. И только в одной стране не нашлось денег для того, чтобы оплатить расходы по проезду шести шахматистов через океан, — в Соединенных Штатах Америки. В Амстердаме нутились, говоря, что расходы на подрывную деятельность и подготовку войны в последнее время стали в США так велики, что ничего не осталось для поездки способных американских шахматистов на олимпиаду, хотя у них были все основания бороться за призовые места.

Рисунок прогрессивного немецкого художника Ганса, опубликованный газетой «Нейес Дейчланд», очень верно показывает, в каком положении оказалась на селе «бониская республика» после принятия западными державами соглашения о демилитаризации Западной Германии.

Как известно, в результате переговоров в Лондоне и Париже Западная Германия включена в агрессивный Северо-атлантический союз. С этой целью западные оккупационные державы заявили о предоставлении «суверенитета» аденauerскому «рейху». Все либерные этого утверждения очевидно даже для людей, не особенно искушенных в вопросах международной политики. В самом деле, о каком суверенитете может идти речь, если Западная Германия продолжает быть оккупированной иностранными войсками и должна содержать их, если оккупацию намерено продолжать по крайней мере до конца XX века, если бониское правительство не имеет права решать самостоятельно некоторые важные внешнеполитические вопросы? Ясно, что это не более, чем суверенитет в кавычках.

Потому вполне естественно, что все более широкие народные массы Западной Германии обращают свое внимание на Германскую Демократическую Республику, подлинно суверенное государство, где власть принадлежит народу.

Вот рисунок: представитель американской оккупационной армии усеся на спине западногерманского рабочего. Он старается попомать своей жерме глядеть за демократическую линию — тула, где немецкий трудящийся ныне видит осуществление своей вековой мечты о счастливой жизни. «Туда смотреть нельзя! Это не для тебя!» — говорит американец!

Демократия е с к а я молодежь Вены устроила у здания министерства внутренних дел Австрии демонстрацию с требованием запретить реваншистские сборища бывших военнослужащих гитлеровского вермахта. Демонстранты потребовали, чтобы министр внутренних дел принял их делегацию. Но он вместо себя послал к демонстрантам... наряд полиции. На фото: полиция разгоняет демонстрантов. Снимок из австрийского журнала «Вельт-иллюстрирт»

Заметки писателя

Тревоги Свена Хансена

Борис ЛАСКИН

Перед нами статья читателя Свена Хансена, опубликованная в газете «Информашон».

Автор статьи серьезно встревожен состоянием современной датской прессы.

Хансен пишет: «...В газетах все чаще столбец за столбцом мелькают несчастные случаи, убийства, самоубийства, преступления и другие сенсации. Это направление, в котором прогрессирует или, вернее, регрессирует датская пресса, вызывает у читателя чувство беспокойства и страха. Старому энтузиасту газетного чтения, с давних лет привыкшему просматривать газету ради содержащихся в ней новостей и идей, современная сенсационная хроника преступлений причиняет настоящие страдания».

В самом деле, можно почувствовать Свену Хансену: его душевное сматнение легко объяснить. Живи господин Хансен в Америке — в стране, установившей абсолютный рекорд по части различного вида преступлений, — он не удивлялся бы тому, с каким смаком и знанием дела подают нью-Йоркские или чикагские газеты очередную голодомольную грабеж или убийство.

Но что должен испытывать Свен Хансен, если он выбирает наугад одну из датских буржуазных газет, где на первой странице красуются следующие заголовки:

«Два утопленника в фиорде!»

«Кинжалом в глаз!»

«Драма с поножовщиной!»

«Попытка молодой женщины совершить убийство и самоубийство!»

«Графиня бросилась со скалы!»

«Тринадцатилетний мальчик убит при авиационной катастрофе!»

«Пружок раздробил голову мальчику!»

Поистине, невероятное упросто проявляют датские буржуазные газеты, стремясь причудить своих читателей к кровавым преступлениям.

«Несколько раньше, — пишет Хансен, — эта же газета выпалила в читателю следующий заголовок: «Восьмь ножевых ран в спину!» Если бы случайно этот заголовок был помещен в тот же день, что и остальные приведенные выше заголовки, номер газеты, — с горькой иронией добавляет Хансен, — можно было бы считать образцом «удачного» редакционного дня».

В надежде услышать от редакции датских газет сколько-нибудь разумное объяснение этого «пристрастия к крови», Хансен указывает, что, по его мнению, эта длительная страсть прессы к кровавым событиям так же опасна для неких читателей, как и «разноцветная литература» (так в Дании называют всевозможную бульварщину), фильмами о похождениях гангстеров и «комиссиях».

В этой связи мы позволим себе заметить следующее. Будь эти леденящие душу заголовки всего лишь проявлением дурного журналистского вкуса, это, быть может, не так уж обеспокоило бы Свена Хансена и других читателей датских газет. Если бы дело было только в заголовках!.. Беда состоит в другом.

Датчане к великому своему огорчению убеждаются воочию, что американцы везают в их мирную страну не только и не столько форму, сколько, так сказать, содержание.

В кинотеатрах Копенгагена идут повеишие американские фильмы, методически обучающие зрителя усовершенствованным приемам убийства и самоубийства, морального растления и проч.

На книжных витринах пестрят обложки американских книг, выполняющих примерно те же функции и имеющих такое же отношение к литературе, как полицейские протоколы к драмам Эллешгетера.

Право же, совсем не требуется особой дальновзоркости, чтобы заметить, как по-

читательные поклонники всего этого духовного экспорта переносят на датскую почву заокеанские «саженцы» — образцы пресловутого американского образа жизни. Слишком уж ощутима текущая из-за океана сила «нравственного примера»... Поистине, с кем поведешься, от того и наберешься!..

«У меня двое детей, — пишет Хансен, — мой двенадцатилетний сын как раз и обратил недавно мое внимание на пестрящую кровавыми сообщениями первую страницу газеты. При этом он слегка покачал головой. Какие чувства у него были в этот момент? Прошло ли для него бесследно саприкосновение с этой нравственной заразой?»

У Свена Хансена есть основания для тревоги, как и у любого другого честного и мыслящего датчанина, кому дороги и

Этим рисунком датская газета «Информашон» иллюстрировала статью Свена Хансена «Восьмь ножевых ран в спину!»

судьба молодого поколения и будущее своей страны.

Хансен обращается к редакторам газет и журналистам, но без иронии именует их «джентльменами от прессы». Он убеждает их сделать попытку прекратить публикацию подобных материалов: «Право же, они развращают читателей, да и к тому же газеты рассчитаны на рядовых миролюбивых людей».

Подражание датских реакционных газетчиков иностранным образцам приняло столь широкий размах, что автор статьи, хотя прямо на это не указывая, находит четкие и вполне определенные слова: «...Нынешнее направление газет нигде не годится. Ни один человек, даже из числа газетных работников, не станет утверждать, что нормально такое положение, при котором детская страничка или страница с ежедневным церковным текстом публикуют подробное описание того, как убитая вадла кулонный нож в живот своей жертвы?»

А впрочем, может быть, стану утверждать, что это нормально? — спрашивает Хансен.

Не питая, видимо, особой надежды услышать разумный ответ и вызвать сочувствие в определенных журналистских кругах, Хансен заканчивает статью столь выразительным постскриптумом, что имеет смысл привести его полностью.

«Я хотел бы оглашить свою заметку: «Разноцветная печать», но подумал, что название «Восьмь ножевых ран в спину!» больше подойдет для газеты. Если какой-нибудь номер газеты будет недостаточно «кровоявым», вы сможете при помощи моего заголовка довести число ножевых ран до двенадцати или даже до шестидеяти».

Такой всевещной шуткой заканчивает свою статью рядовой датчанин Свен Хансен, весьма опечаленный тем, что несет его родной стране американская духовная агрессия.

Много лет назад, размышляя о недостатках делах, шекспировский Гамлет — принц датский — сказал:

О мерзости! Это буйный сал, поляющий одно лишь семя; дикое и злое

В нем властвует.

Эти строчки невольно вспомнились нам, когда мы прочитали письмо Свена Хансена. Что и говорить, дикое и злые всходы поднимаются на датской земле от семян, завезенных из-за океана.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМОРНОВ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1955 ГОД НА «ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ»
орган правления Союза советских писателей СССР

Подписная плата:
на 12 мес. — 62 р. 40 к.
на 6 » — 31 р. 20 к.
на 3 » — 15 р. 60 к.

НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ «ГОД ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ»
орган Союза советских писателей СССР
Объем каждой книги — 30 авторских листов

Подписная плата на год — 30 р.
Подписка принимается в городских районных отделах «Союзпечати», отдельных звонках районными по подписке на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, совхозах и колхозах.